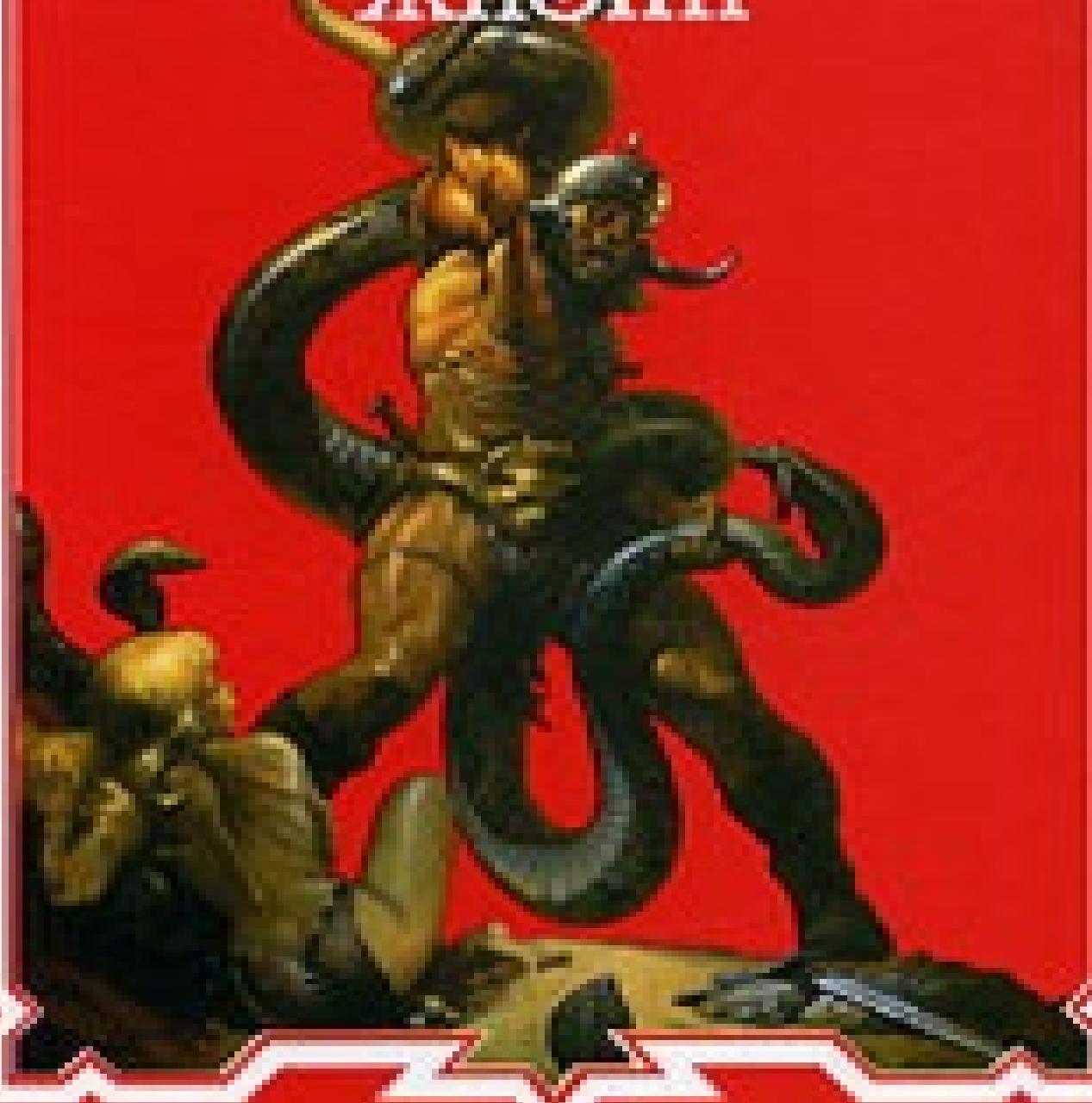


Конан
и Фонтан
Жизни



Annotation

Неожиданно для самого себя киммериец вновь оказался в Шадизаре, но знакомый город встретил Конана не так гостеприимно, как ожидалось. За время его отсутствия в Шадизаре многое изменилось и, с точки зрения варвара, совсем не в лучшую сторону. Конан размышлял, куда направиться дальше. Тут и подвернулось связанное с большими опасностями, но хорошо оплачиваемое дело...

•

Джеймс Гоулд

Сокровища подземного города

В «Выщербленной монете», одной из самых известных таверн Шадизара в этот утренний час было малолюдно. Те, кто заполнял ее зал после захода солнца, принося хозяину заведения — темнолицему уроженцу Султанапура — немалый доход, спали после ночных «трудов». Поэтому благонамеренные подданные Его величества могли без страха войти под ее закопченный потолок и приятно провести время за кувшином вина и приятной беседой. Но те не спешили воспользоваться такой возможностью, предпочитая нечто не такое колоритное, но гораздо более чистое и респектабельное. Тех же, кто находился здесь, предрассудки волновали менее всего.

Впрочем, посетителей почти и не было. За столиком в самом дальнем углу мрачного вида бродяга дремал над кувшином кислого красного вина. В нише, где находились места для благородных посетителей, уныло сидело несколько человек, судя по виду, мелких ремесленников, чьи дела идут не очень хорошо. Юноша в дорожной одежде из тех молодых аристократов, которые путешествуют для собственного удовольствия, вошел в сопровождении пожилого угрюмого скорее телохранителя, чем слуги, но, испуганно оглянувшись вокруг, сразу покинул таверну.

У противоположной стены за столом, рассчитанным на большую компанию, вольготно расположился мужчина, огромный рост и мощное телосложение которого сразу приковывали к нему все взгляды. Лицо его было не менее запоминающимся: копна светлых волос, свисающая подобно гриве немедийского льва, и ярко-голубые глаза на дочерна загорелом лице, на котором в тот день застыла угрюмая гримаса. Одежду незнакомца составляли вытертые кожаные штаны и куртка из грубой ткани — излюбленная одежда воинов в Пограничных королевствах. Впрочем, глязеть в открытую никто бы не осмелился. Грозный вид незнакомца и особенно огромных размеров меч, прислоненный к стене, моментально охлаждали пыл любителей лезть не в свое дело.

Те, кто хоть раз встречался с этим мужчиной, моментально признали бы в утреннем посетителе Конана из Киммерии, Конана, чье имя обросло самыми разнообразными и невероятными легендами. Юноша из далекой северной страны, он сумел пройти путь от рабского ошейника и меча гладиатора до королевского трона. Приключений, выпавших на его

долю, с избытком хватило бы на несколько десятков жизней. Конану случалось бывать лучшим и самым удачливым вором, командиром наемников, пиратом...

Вряд ли нашелся бы человек который смог бы похвастаться такой судьбой, полной взлетов, падений, периодов тяжелых лишений, как по волшебству сменявшихся просто сказочным богатством. Впрочем, самые большие состояния не задерживались у него; благородный варвар расставался с ними с поистине царственной небрежностью и непосредственностью, которую не смогли убить даже годы, проведенные в цивилизованном мире. Золото создано для того, чтобы его тратить, как захочется, а когда понадобится, он добудет себе еще...

Но даже боязливое восхищение, объектом которого он стал, не могло сегодня улучшить настроение Конана. Его карьера начальника личной охраны одного из офирских вельмож оборвалась, не успев толком начаться. Причиной было даже не то, что жена хозяина, как и большинство женщин от аристократок до трактирных служанок, которые, раз взглянув на благородного варвара, уже не могли изгнать его образ из своего сердца, начала обращать на него чересчур благосклонное внимание. Конана это совершенно не волновало; мысли его в те дни занимала пухленькая рыжеволосая торговка овощами, которая обладала на редкость звучным голосом и ругалась не хуже капитана городской стражи.

Кошелек с золотыми монетами таинственным образом исчез из запертого кабинета вельможи. Обшарив вместе со своими подчиненными хозяйские апартаменты, комнаты слуг и даже помещения, где содержались домашние животные, Конан отправился передохнуть в свою комнату. Рухнув на кровать, он к полному своему негодованию обнаружил пропажу, аккуратно зашитую в собственном тюфяке. Варварская хитрость удержала его от того, чтобы поддаться приступу бешеной ярости. Что толку крушить все вокруг, ведь он даже не знает, на кого обрушить свой гнев...

Вспомнив воровское мастерство, в совершенстве изученное им за время, проведенное в Шадизаре, он «извлек» кошелек с золотом из горшка, где, согласно последней моде, росло причудливо изогнутое карликовое дерево из Утренних земель. Та же самая хитрость, сравнимая разве что с инстинктами хищного зверя, подсказала Конану дальнейший план действий.

На следующее утро, заявив, что уезжает по делам в город, Конан оставил лошадь в конюшне знакомого трактирщика и тайком вернулся назад. Для него это было не так уж и сложно. Влезть на стену высотой в три человеческих роста, сделанную из камней, плотно пригнанных друг к другу, не составило никакого труда для того, кто вырос в суровых горах Северной Киммерии и с раннего детства привык к подъемам, по сравнению с которыми этот был просто детской забавой. Стена особняка с карнизами, статуями и украшениями из резного камня была для него все равно, что ровная дорога для городского жителя. Добравшись до окна своей комнаты, он устроился прямо напротив него на ветке старого турецкого клена. Он спрятался среди густой листвы и замер в полной неподвижности. Так он мог проводить многие часы, не шевелясь и практически не дыша; умение, которые не однажды сослужило ему добрую службу.

Ждать пришлось недолго. Дверь, которую он запер перед уходом, отворилась и в комнату трусливо озираясь проник личный секретарь хозяина — щедущий молодой человек, который почему-то невзлюбил Конана с самого начала, пряча это под маской обходительности и услужливости. Секретарь убрал в поясную сумку связку отмычек, при виде которой Конан презрительно поморщился: среди воров Шадизара работать таким инструментом побрезговал бы даже самый зеленый новичок.

Из той же сумки непрошеный посетитель извлек ожерелье из солнечного камня, который привозили суровые, обросшие спутанными светлыми бородами моряки из северных земель. Рассказывали, что такие камни можно найти только на далеких островах, где море выбрасывает их на каменистый берег. Очень немногие корабли могут подойти к этим островам, не рискуя

разбиться об острые камни или быть затянутыми в один из водоворотов, которые внезапно появляются в тех местах, передвигаясь со страшной скоростью, засасывая все, что попадается на их пути, и так же бесследно исчезая. Очень немногие корабли возвращаются из путешествия за солнечным камнем, но добыча того стоит. За деньги, которые заплатил хозяин за это украшение, можно было нанять еще один отряд личной охраны или не менее года жить в самой роскошной столичной гостинице, ни в чем себе не отказывая. Конан знал, что это украшение хозяин держит где-то в своих покоях, в особом хранилище, не доверяя даже супруге...

Не отвлекаясь на лишние размышления, варвар совершил могучий прыжок, сделавший бы честь даже снежному леопарду, которые водятся только в самых недоступных горах Северной Киммерии. Мощным ударом разбив оконное стекло, он приземлился перед едва не потерявшим сознание от ужаса проходимцем. Немного прия в себя, тот рухнул на колени, лепеча какие-то бессвязные извинения. Но, стоило варвару с презрением отвести от него взор, как тот извлек из под одежды изящный дамский кинжал и попытался наброситься на великодушного киммерийца. Конан, которого подобное вероломство возмутило до глубины души, решил больше не церемониться с тем, кто не стоит этого. Пролетев через всю комнату, открыв собой дверь, неудачливый интриган замер у противоположной стены коридора со сломанной шеей.

Дело удалось бы замять, если бы секретарь не оказался аристократического рода, представителем захиревшей обнищавшей ветви, но, тем не менее, дальние родственники «пострадавшего» были близки к королевскому двору. Хозяин оказался всецело на стороне Конана, тем более что различные мелкие пропажи случались и раньше, но все, что он смог сделать для своего начальника охраны — это выплатить ему жалование и посоветовать уехать из города как можно скорее. С великой неохотой варвар согласился. Бегство — это не выход для настоящего воина. Но одно дело, когда на тебя нападают враги и тогда можно решить спор как подобает мужчинам. Но совсем другое — оправдываться перед всякими напыщенными идиотами и доказывать им, что подлец заслуживает именно такой награды и все только потому, что эти недоумки называются королевским судом. Нет, такое ему совсем не по душе.

Наскоро простившись со всеми и не удостоив вниманием грустные взгляды, которые украдкой бросала на него хозяйка, Конан отправился прочь. Он не утруждал себя мыслями о конечной цели путешествия; в мире полно дорог, и на каждой из них его что-нибудь да ожидает, скорее всего, сокровища, приключения и красивые женщины...

Неожиданно для самого себя он оказался в Шадизаре, городе, где обитатели богатых кварталов, должно быть, до сих пор со страхом вспоминают его имя, а в подозрительных тавернах о знаменитом воре рассказывают легенды, которые с каждым разом обрастают новыми все более удивительными подробностями.

Но знакомый город встретил Конана не так гостеприимно, как ожидалось. За время его отсутствия в Шадизаре многое изменилось и, с точки зрения варвара, совсем не в лучшую сторону. Знакомые с ужасом рассказывали о новых законах против воровства, воины и охранники никому не требовались, даже вино в знакомой таверне оказалось каким-то кислым. Поэтому без особого удовольствия спустив оставленное ему золото, Конан размышлял, куда направиться дальше. Может быть, в одно из Черных королевств? Хотя после нескольких пиратских экспедиций с его участием вряд ли ему будут там рады. Особенно после попытки выкрасть идола из главного храма Ксухотла.

Нет, Конану это удалось, но, стоило пиратам покинуть пределы храма, как идол ожил и устроил такое, что немногие уцелевшие до сих пор просыпаются в холодном поту, вспоминая события той ночи. Или попытать счастья в Коринфии или Бритунии?..

И тут Конан заметил, что хозяин таверны Гло покинул свое место за стойкой и направляется прямо к нему. Что еще надо этому жирному носителю подносов? Если он хочет вытрясти из него

еще денег, то сейчас он горько пожалеет о своем намерении.

— Вас хочет видеть какой-то господин.

— Какой еще господин? Я никого не жду!

— Он говорит, что имеет к вам срочное и важное дело, господин Конан. Он ждет вас в комнате на втором этаже.

Конан нехотя поднялся с места и, прихватив свой громадный меч, двинулся вслед за служанкой, указывающей ему дорогу. Завтрак был до обидного скучный и, кроме того, варвар пребывал в дурном расположении духа. Если кто-то из давних врагов вздумал устроить ему ловушку, то после встречи с ним вряд ли он будет в состоянии этим похвастаться. А эту отвратительную таверну он просто разнесет, не оставив от нее и камня на камне. Поднимаясь по лестнице, Конан всей душой жаждал, чтобы его предположение подтвердилось; по крайней мере, будет на ком сорвать дурное настроение.

В полутемной комнате за столом сидел какой-то человек. Он был с головы до ног закутан в просторный плащ, низко надвинутый капюшон оставлял лицо сидящего в тени. Острые глаза варвара различили, что перед ним мужчина, которому еще далеко до старости и который не понаслышке знает, как обращаться с оружием. В том, что это очень богатый господин и, скорее всего аристократ, Конан убедился, бросив взгляд на его горделивую осанку, плащ из тонкой шерстяной ткани и ухоженную руку с аккуратно подстриженными ногтями. А, впрочем, какая разница, кого сюда занесло, он ни перед кем не заискивал и не собирается. Конан протопал через всю комнату и опустился на табуретку прямо напротив сидящего. Расшатанная гостиничная мебель жалобно скрипнула под ним.

— Ну и чего вам надо? — недовольно проворчал варвар, стараясь заглушить урчание полупустого желудка.

— Я хочу поручить вам одно небольшое дело, — ответил мужчина с легким стигийским акцентом.

— Я не привык принимать поручения от незнакомцев, — буркнул Конан.

— Мое имя вам ничего не скажет, — продолжил собеседник, как будто не замечая его вызывающего тона. Я собираю коллекцию всяких редкостей и хочу, чтобы вы достали для меня одну вещь...

— ...Которая случайно завалась в сокровищнице кого-то из местной знати. Если оплата будет достаточно хороша, то почему бы и нет?

— Нет, речь идет вовсе не о краже. Просто нужно съездить и привезти эту вещь. В настоящее время она абсолютно никому не принадлежит.

— Никому не принадлежит?..

— Это далекое путешествие, оно связано с большими опасностями, и будет хорошо оплачено. Подумайте и если вы беретесь за это дело — жду вас здесь сразу после захода солнца. Если нет, я найду кого-нибудь другого; мне безразлично, кто именно доставит то, что мне нужно.

— Ладно, поглядим, — ответил варвар, еле сдерживая желание свернуть шею этому аристократишке, который хочет заполучить его в качестве простого носильщика. А, может быть, заодно понадобится, чтобы он выводил на прогулку его собачку или спел колыбельную его избалованным детям?

Вернувшись в свою комнату, варвар растянулся на лежащем прямо на полу тюфяке, чтобы хоть как-нибудь скоротать время. Но не успел он даже задремать, как его разбудили сначала осторожные шаги по коридору, а затем робкий стук в дверь. В комнату вошла служанка, еле неся тяжелый поднос. На глиняном блюде возвышался кусок барабанины, который с трудом осилили бы трое взрослых мужчин, здоровенный каравай белого хлеба и кувшин, в котором что-то плескалось. Обоняние варвара моментально уловило запах красного заморанского вина, гораздо

лучшего, чем та кислятина, которой поили его нынешним утром. Но он не спешил радоваться этому нежданному подарку судьбы.

— Ошиблась комнатой, женщина, я ничего не заказывал.

— Господин, который только что приехал, приказал отнести это вам. Он велел передать, что хороший обед лучше всего способствует важным размышлениям.

Поставив поднос на пол, девушка удалилась, оставив Конана наедине с сытным обедом. Варвар внимательно рассмотрел принесенную еду, обнюхал, обмакнул палец в кувшин с вином и осторожно лизнул. Никаких признаков яда или чего-нибудь в этом роде. Даже острое звериное чутье, которое всегда безошибочно предупреждало его об опасности, на этот раз не уловило никакой угрозы.

Ну, раз так... Вскоре на блюде осталось только несколько обсосанных косточек и подгоревшая хлебная корка, а красное заморанское было выпито до капли. Растворившись в блаженной дреме, Конан подумал, что работа, которую ему хотят предложить, в сущности, не так уж плоха, да и заказчик не производит впечатления жулика. В конце концов, почему бы для разнообразия не съездить за каким-то предметом по просьбе богатого чудака.

Таинственный господин ждал его, так же сидя за столом; казалось, за время отсутствия Конана он даже не пошевелился. Услышав о его согласии, заказчик не высказал ни удивления, ни удовольствия.

— Перейдем сразу к делу. Вам, должно быть, случалось слышать о заброшенном городе в самом сердце Гирканских гор.

— Ну да, говорят, что два поколения назад его разрушило землетрясение. Все дороги к нему тоже исчезли.

— Он был столицей и последним, что осталось от древнего государства, существовавшего много столетий назад. В королевском дворце должен находиться трон из фиолетового дерева. Резьба на его спинке изображает сцену сражения между тритонами и предками нынешних пигмеев. Я хочу, чтобы вы нашли его и привезли мне в том состоянии, в каком найдете.

— Хм... А если он разломан в щепки или просто сгнил за это время?

— Древесина фиолетового дерева не подвержена гниению, она даже не может сгореть, разве что если кинуть прямо в жерло вулкана — задумчиво произнес необычный собеседник, глядя куда-то мимо Конана. — В щепки... что же, в таком случае я получу мешок деревянных обломков, а вы...

И тут он назвал сумму, во много раз большую той, которую можно было бы выручить, обчистив королевскую сокровищницу и сбыв вещи не самому жадному скупщику краденого. Тем временем странный господин продолжал:

— Отправиться в путь нужно завтра до восхода солнца. О припасах и снаряжении можете не беспокоиться. С вами отправится мой человек, он будет помогать вам в дороге. Он знает, как добраться до места кратчайшим путем.

— Я привык работать один, без помощников...

— На этот раз придется, — ответил собеседник. На какое-то мгновение его голос стал похож на один из знаменитых клинов Султанапура, которые способны разрезать тончайшую шелковую ткань на поверхности воды. — Это вполне надежный человек, его можно не бояться — добавил он с тонкой насмешкой, напоминающей острую шпильку — излюбленное оружие аристократок из Утренних земель.

— Бояться, еще чего! — проворчал варвар, задетый за живое — только нянчиться я с ним не собираюсь. Я берусь доставить сюда фиолетовый трон или его обломки, а не присматривать за всякими маменькиными сынками.

— Об этом можете не беспокоиться — еле заметно улыбнулся заказчик ему в ответ. — Он

сам за собой присмотрит.

* * *

Не успев проснуться, Конан уловил в комнате чье-то присутствие. В нем не было ничего угрожающего, иначе выработанные за много лет инстинкты дикаря разбудили бы его гораздо раньше, а мощное тело само сделало бы то, что требовалось, даже если бы разум его хозяина продолжал еще спать. Ставшись дышать в том же ритме, что и во время сна, Конан осторожно приоткрыл один глаз. Рядом с дверью на корточках сидел толстенький низкорослый человечек, одетый как житель Иранистана. В то же мгновение, как Конан бросил взгляд на него, тот с улыбкой наклонил голову:

— Доброе утро, господин Конан, я Маленх, ваш помощник.

— Как тебе удалось войти? — прорычал варвар, с изумлением заметив, что мощный железный засов, на который была заперта дверь его комнаты, оказался отодвинут в сторону.

Непрошеный гость с улыбкой извлек из складок одежды нечто, похожее на небольшую черную губку. Подобные вещи всегда ценились на вес золота среди тех, кто избрал своей профессией открывать запертые двери и проникать туда, где чужих не ждут. Невзрачный с виду предмет был ни чем иным как зовущим камнем, который обладает способностью притягивать и сдвигать с места любые, даже самые тяжелые железные предметы.

— Я родился в этом городе, — скромно улыбнулся обладатель зовущего камня и еще Эрлик знает, каких секретов. — Пора в путь, господин.

Едва кивнув ему, Конан подобрал с пола свои вещи и двинулся к выходу.

В зале их уже ждал накрытый стол, за которым мог бы утолить голод десяток взрослых мужчин, а из конюшни мальчик-слуга вывел двух лошадей с навьюченными на них дорожными сумками. Маленх легко вспрыгнул на лохматую низкорослую лошадку из тех, которые особенно ценятся кочевниками. Конан с едва скрываемым удовольствием сел на зингарского жеребца, седло и сбруя которого были почти лишены украшений, зато оказались на редкость прочны и надежны. Похоже, кто-то взял на себя труд ознакомиться с его привычками...

* * *

Первая неделя путешествия прошла без особых событий. Конан вынужден был признать, что навязанный ему спутник вовсе не стал для него обузой. Маленх умел становиться не более заметным, чем песчаная ящерица, которая прячется от хищника или, наоборот, рассказать множество забавных историй, которые скрашивали долгие часы пути. Кроме того, он оказался неплохим поваром — из скудных дорожных припасов и не менее скудной охотничьей добычи ему удавалось готовить блюда немногим хуже тех, что подают и к королевскому столу.

Помощь маленького иранистанца оказалась существенной и тогда, когда требовалось найти дорогу. Конан прекрасно ориентировался в незнакомом месте, а там где побывал хоть однажды, без помех прошел бы с завязанными глазами. Но даже он растерялся бы, случись ему оказаться одному среди этих скал, похожих на хлопья по волшебству застывшей бурой пены. Маленх находил дорогу по каким-то таинственным, видимым ему одному признакам и уверенно сворачивал туда, где, казалось, не было и крохотной щелочки между камнями. Но, приблизившись, Конан неизменно находил там проход достаточно удобный для двух всадников.

В начале второй недели пути они внезапно оказались разбужены среди ночи. Земля под

ними начала еле заметно вздрагивать, а откуда-то сверху послышался жалобный вой, похожий на голос громадного безмерно страдающего существа. Конан вскочил на ноги, нашаривая рядом с собой оружие. Но спутник не разделял его беспокойства:

— Это поющая гора, господин, — сказал он. — Сейчас перестанет.

В самом деле, через некоторое время душераздирающий вой прекратился и путешественники смогли спокойно заснуть. На следующее утро Конан тщетно оглядывался вокруг, пытаясь определить, какая из гор могла таким необычным образом нарушить его сон, но все они были похожи друг на друга как медные монеты в чашке нищего.

Во время дневного перехода Маленх поведал ему множество легенд о происхождении Поющей горы — страшных, трагических и тех, которые вряд ли можно было бы рассказать в обществе благородных дам. Суть их, впрочем, сводилась к одному — после Войны магов, которая случилась поколений за десять до рождения Конана, в этих местах образовалось множество странных и загадочных вещей. Конан лишний раз подумал, что быть сговорчивым иногда очень даже не помешает — без проводника ему здесь бы пришлось значительно труднее.

Они спускались и поднимались по почти отвесным горным тропам, где лошади могли пройти лишь с величайшим трудом. Временами животным приходилось завязывать глаза чтобы, перепугавшись, они не свалились в пропасть.

Через несколько дней пути Конан со спутником оказались в очень странном месте. Это была небольшая долина между горами, густо поросшая пышными белыми цветами. Временами, когда налетал ветер, цветы издавали непонятный костяной стук.

— Эрлик тебя раздери! — проворчал Конан. — Это еще что?!

— Костяные колокольчики, господин — отвечал Маленх, чуть заметно улыбаясь уголком рта. — Когда-то в этой долине произошло большое сражение. Никто не знает, сколько народа погибло здесь. Многие из них настолько запятнали себя черными делами, что земля не приняла таких покойников... Рассказывают, что сто лет спустя один из тех, кто развязал Войну магов, пришел сюда, чтобы вернуть к жизни своих верных слуг. Но эта долина слишком пропиталась магией и обрела свою собственную волю. Каждая из мелких косточек пустила корни в землю, а потом приподнялась на длинном стебельке. У некоторых даже есть листики... Сам же пришедший окаменел, но остался при этом живым и способным творить все что ему захочется с теми, кто неосторожно окажется в его власти. Посмотрите на вершину этой горы; видите, как будто человек сидит на корточках.

В самом деле, в лучах заходящего солнца камень на вершине горы казался древним стариком, который поглощен размышлениями и, водя прутиком по земле, пытается решить какую-то нелегкую задачу. На лице Конана показалась гримаса величайшего отвращения; больше всего на свете он не любил змей и магов.

— Эта долина — самое безопасное место для ночлега — невозмутимо продолжал Маленх. — Сами увидите, господин.

Они неторопливо брали через заросли того, что еще недавно казалось Конану безобидными цветами. Могучий варвар вздрагивал всякий раз, когда его сапога касался плоский не похожий на человеческий позвонок или длинный острый зуб, качающийся на тоненьком белом стебельке. Нет, мертвые его не страшили; их Конан навидался за свою жизнь больше чем достаточно. Просто картина, которую он видел перед собой сейчас, выходила за границы того, что может воспринять человеческий рассудок.

Посреди зловещей растительности оказался небольшой островок серой утоптанной земли. Именно на нем и расположились на ночь путешественники. Не сговариваясь, они решили обойтись без костра. Поблизости не было ничего, что могло бы служить топливом, а отходить далеко от лагеря в его поисках отчего-то не хотелось.

Едва стемнело, «цветы» принялись качаться, издавая разные неприятные звуки, хотя ночь была абсолютно безветренная. Казалось, в долине еле слышно переговаривается множество людей, молодых и старых, мужчин и женщин. Конану даже показалось, что он различает отдельные слова. Язык был ему незнаком, но, безо всякого сомнения, речь шла о них, вторгшихся туда, где уже много лет не ступала нога живого человека. Голоса убаюкивали, куда-то манили, что-то обещали... Варвар энергично выругался, чтобы прогнать наваждение, но это помогло очень мало. Костяные колокольчики смолкли, но вместо этого в темноте зажглись огоньки. Должно быть,очные обитатели долины вышли на охоту. Пара зеленых звездочек это, конечно, глаза черной пантеры, которая не прочь полакомиться путешественниками. Конан отчетливо видел силуэт гигантского зверя, который бегал вокруг, не решаясь ступить туда, где росли костяные «цветы». Пары желтых огоньков — это шакалы или гиены, которые всегда подбирают остатки пищества более крупных хищников, не решаясь напасть самим. А это еще что за диво? Восемь красных огоньков передвигались все одновременно, не разбиваясь на пары. Луна, выглянувшая из-за туч, осветила существо, отдаленно напоминающего гигантского краба, горящие глаза которого располагались со всех сторон уродливой головы. Существо остановилось рядом с границей «цветущей поляны», высунуло изо рта длинный узкий язык, поочередно облизало им каждый из своих глаз и неторопливо отправилось восвояси.

Когда, наконец, наступило утро, Конан обнаружил, что всю ночь просидел, сжимая в руках меч и готовясь отразить нападение самого неожиданного противника. Его спутник после бессонной ночи тоже выглядел не лучшим образом.

Дорога заняла еще несколько дней. То и дело путешественники натыкались на следы бушевавшей когда-то здесь войны магов. Один раз дорогу им преградила застывшая река. Когда-то от невероятного жара камень растаял и потек вниз подобно водопаду. Но теперь бурный поток вернулся в свое первоначальное состояние; падающие вниз струи, волны и даже круги на воде снова стали камнем. Конан из любопытства подобрал несколько капель, которые стали идеально ровными круглыми камушками, повертел в руке и небрежно бросил назад. Булыжники как булыжники, ничего интересного.

Один раз они наткнулись на небольшую рощицу, вид которой был не менее удивителен, чем костяные колокольчики. Деревья, их листья и даже несколько висящих на ветках плодов полностью стали железом. Готовая сталь самого лучшего сорта, такой Конан не видел даже в кузнице своего отца, знаменитого мастера-оружейника... Хотя, нет: стальные деревья были сами похожи на оружие, готовое к действию и ждущее руки хозяина. Острые ветки грозно тянулись в небо, а листья, похожие на тончайшие обоюдоострые клинки, устрашающе покачивались. Под одним из деревьев что-то чернело. Приглядевшись, Конан заметил мертвую змею, наполовину разрезанную одним из таких «листочков». Железнную рощу обошли молча и на почтительном расстоянии.

* * *

Наконец они добрались до места, но прохода между горами, за которыми должна была начинаться дорога, ведущая в затерянный город, не существовало. Как будто какой-то гигант небрежно сдвинул ближайшую гору со своего места, отчего та, частично рассыпавшись, намертво перекрыла все возможные пути. Маленький выглядел очень расстроенным, Конан, наоборот, отнесся к неожиданно возникшей трудности с поистине философским спокойствием.

— Подумаешь, засыпал один путь — найдем другой. В самом худшем случае дорога удлинится на пару дней.

— Все не так просто, господин. Попасть в заброшенный город можно только по одной из его дорог, как бы разрушены они ни были. В противном случае мы просто не найдем его. Мы будем до бесконечности бродить по этим местам, пройдем совсем рядом с остатками города и не увидим их.

— Должны же оставаться какие-нибудь тайные запасные ходы на случай осады или бегства.

— Именно к одному из них мы сейчас и направимся. Когда-то он вел в подземный лабиринт. Это очень старая карта, сделана еще до землетрясения, никто не знает, что встретит нас там сейчас — ответил проводник, задумчиво водя пальцем по древнему пергаменту.

— И как, по-твоему, мы пройдем там с лошадьми?

— Придется немного пройти назад и в сторону. В трех дневных переходах отсюда в направлении заката должен быть постоянный двор.

— Постоянный двор? В этой глухомани?

— Да, он существовал с незапамятных времен, еще до войны магов. Теперь заведение содержит дочь или внучку последнего трактирщика. Они люди со странностями, но там вполне можно оставить лошадей, пока мы не вернемся.

Недовольно ворча, Конан последовал за своим спутником. Какой смысл содержать постоянный двор там, где нет ни торговых путей, ни даже тропинок, по которым ходят местные жители? Тем более что и жителей здесь тоже нет. И с чего они, интересно, живут, если нет никаких посетителей?

Они поднялись на горный склон и тут Конан, который уже счел, что его больше ничем не удивить, застыл в полном изумлении как ребенок при виде ярмарочного фокусника, демонстрирующего свое искусство.

Прямо из-под камней, лежащих у основания горного хребта, начинался кусок мощеного тракта. Красноватые шестиугольные камни выглядели так, будто дорога была проложена не больше месяца назад. С высоты было видно, что, не дойдя до конца долины, дорога резко обрывается, будто отрезанная лента. Аккуратный ряд красных камней, рядом с которым виднелись кустики чахлой сине-зеленой травы и кривых колючих кустов. Ровно посредине мощенного отрезка дороги стоял аккуратный двухэтажный домик с вывеской, на которой было намалевано какое-то страховидное рогатое существо, а рядом старательно выведено: «Приют горного козла».

Путешественники спустились в долину, не без некоторого опасения ступив на красные камни. Плотно пригнанные шестиугольники, между ними нигде не пробивается травы, которая появляется всюду, откуда уходят люди.

Гостиница не производила впечатления заброшенной. Второй этаж дома, казалось, только недавно был покрашен веселой зеленой краской, да и первый, сложенный из крупных серых камней, выглядел чем-то основательным, построенным на века. В окнах блестели чисто вымытые стекла, за ними виднелись яркие занавески, даже красные и розовые цветы в горшках. Пройдя несколько шагов по дороге без начала и конца, Конан повернулся к своему спутнику:

— Нам не нужно здесь останавливаться. Подумай, разве так должен выглядеть полузастроенный постоянный двор?

— Нам не о чем беспокоиться, господин Конан. Мой хозяин сказал, что здесь мы будем в безопасности. Насколько я помню, в вашем договоре значилось, что вы доверяете моим знаниям. Мы путешествуем уже не один день; разве я хоть раз дал вам повод усомниться в моей надежности?

После длительных уговоров Конан неохотно двинулся дальше. Может и вправду в этом странном домике нет ничего опасного: аристократиш-ка, отправивший их в заброшенный город, устроил себе на развалинах постоянного двора охотничий домик или прячет здесь от всего мира

какую-нибудь смазливую девчонку? Или вся эта картина — не более чем мираж, одно из последствий бушевавшей когда-то в этих местах войны магов? Почему бы не посмотреть, что там такое, а в случае чего он сможет защитить себя и своего проводника.

С чувством непривычной для него робости варвар осторожно постучал в дверь, ожидая, что вот-вот наваждение пропадет. Дверь откроется а, скорее всего, провалится внутрь от малейшего толчка, а само давно заброшенное здание рухнет и рассыплется в пыль. Но вместо этого на пороге появилась женщина в темно-синем платье и белом чепце с оборками, не дающими разглядеть лицо. Впрочем, варвар смог разглядеть, что женщина молода и довольно хороша собой.

— Что угодно благородным господам? Ужин и комнаты?

— Никакие мы не господа, самые обыкновенные путешественники — расплылся Конан в обаятельной улыбке, которая растопила бы сердце даже каменной горгульи. — Мы бы хотели оставить у вас лошадей, на обратном пути мы вернемся за ними... Не страшно такой красивой женщине здесь жить? Дорога не очень-то многолюдна в это время года?

Но хозяйка оказалась бесчувственней каменной горгульи. Не обращая ни малейшего внимания на попытки благородного варвара завязать светскую беседу, она кивком пригласила путешественников следовать за ней.

За домом действительно оказалась конюшня, чистая и застеленная свежей соломой. Рядом находился аккуратно закрытый хлев, из которого впрочем, не слышалось ни мычанья коров, ни хрюканья свиней, ни куриного кудахтанья.

Толстая пожилая служанка в соломенной шляпе, почти полностью закрывающей лицо, молча помогла им.

— А где же все ваши мужчины? — сделал Конан еще одну попытку. — Неужели так одни живете? Не боитесь, что украдет кто?

Как будто не расслышав вопроса, хозяйка с непонятным смешком взяла предложенные ей монеты и, пожелав господам счастливого пути, снова исчезла в доме. Оставшись одни перед закрытой дверью, двое мужчин растерянно посмотрели друг на друга.

— А, может быть, останемся тут на пару дней, передохнем? Никуда этот фиолетовый трон не убежит. Стоял себе без нас и еще постоит.

— Извините, господин Конан. Мы должны торопиться, погода в этих горах очень непредсказуема и потом хозяин хотел, чтобы мы оставили здесь лошадей, а сами шли дальше. На обратном пути мы сможем передохнуть несколько дней.

— С чего это он взял, что будет указывать мне, где и когда останавливаться на отдых? Хотя, ладно, пошли; надеюсь, о наших лошадях здесь позаботятся, как следует. Интересно, это что нынче такая мода среди богачей — устраивать себе резиденцию в самом неподходящем месте? Хотя мне приходилось слышать о более удивительных вещах: один из правителей Гиркании велел построить себе летнюю резиденцию на мосту, который специально возвели над самым большим водопадом...

И путешественники прошли дальше, не зная, что за соседним горным хребтом стоял дряхлый кое-как починенный домик с точно такой же вывеской, только выцветшей от солнца и дождя. Хозяйка — древняя старуха, на лице которой еще можно было прочесть остатки былой красоты, безуспешно взглядалась вдаль. Вот уже много лет, как здесь не проезжал ни один человек. Неужели она так и не дождется постояльцев?

... В месяце пути от этого места в замке, стоящем посреди оазиса находящегося в сердце самой жаркой пустыни, чародей, имя которого никто не решался произнести вслух, удовлетворенно отвел взгляд от хрустального шара. Глотнув темно-красной жидкости из морионового кубка, он откинулся на спинку кресла. Заклинание удалось, осталось только

немного подождать, а уж ждать он умел как никто другой...

* * *

Они двинулись в обход и к вечеру следующего дня оказались на берегу чистого горного озера. Вокруг него теснились те же бурые скалы.

— Ну и где же проход?

— Под водой. Когда озеро уйдет, мы сможем проникнуть туда. Никто не знает, когда это будет и когда вода снова вернется на свое место. Нам остается только ждать.

Но озеро выглядело самым обыкновенным и, судя по всему, никуда уходить не собиралось. Под толщей прозрачной воды колыхались водоросли, мелькали темные спинки рыб, изредка поблескивали серебристые стайки мальков.

Прошло еще несколько дней, полных бездействия и ожидания. Ничего особенного и таинственного им здесь не встретилось, если не считать странных туманов, которые на закате солнца делали окрестные скалы похожими то на дворцы непонятной архитектуры, то на замки, то на полуразрушенные крепости. Впрочем, Конан скоро перестал обращать на все это внимание: никакой опасности эти туманы с собой не несли а, что касается зрелица, что он, дворцов и крепостей не видел?

Однажды утром, когда путешественники, на которых безделье последних дней наложило свой отпечаток, неторопливо вставали, обсуждая, из чего приготовить завтрак, со стороны озера послышались какие-то странные всхлипывающие звуки. Подбежав, Конан и его спутник заметили, что это уже не тот спокойный водоем, который они наблюдали последнее время.

На водной поверхности неподалеку от берега образовалась довольно глубокая яма. Сквозь прозрачные ее стенки можно было видеть рыб, обрывки водорослей, мелкие камушки, которые, кружась, исчезали где-то внизу. Воды в озере становилось все меньше и меньше. Над водой показалась полоска мокрого каменистого берега, которая быстро расширялась. Камни, водоросли, которые беспомощно свисали подобно длинным зеленым волосам, какие-то коряги... Конан разглядел что-то вроде длинной палки, которая торчала, косо воткнувшись между двумя камнями на дне. Слишком прямая чтобы быть просто веткой... Движимый любопытством, он добрался до странного предмета, выдернул его и принял очищать от водорослей. Взору его предстал длинный старинный меч, такие Конан видел разве что на gobelenах с батальными сценами в своем дворце в Аквилонии. Впрочем, оружие уже никуда не годилось: за долгое время стояния в воде его клинок полностью съела ржавчина. С сожалением отбросив его, варвар огляделся вокруг.

И тут внимание его привлекло что-то длинное, зацепившееся за куст водорослей. Змей Конан ненавидел почти так же сильно как и магов, поэтому, не долго думая и не тратя время на сожаления об оружии, оставленном на берегу, он схватил камень и обрушил его на извивающееся тело. Вопреки ожиданию, камень со звоном отскочил в сторону. Под лучами солнца блеснуло что-то металлическое. Нет, это не змея и даже не живое существо. Конан осторожно извлек свою находку на свет. Это оказался пояс, сделанный из множества серебряных пластинок, на каждой из которых виднелся искусно вырезанный узор. Ничего подобного ему видеть до сих пор не приходилось. Варвар сжал находку в руке, прислушиваясь к внутреннему голосу; нет, его необычайно острыя интуиция не подавала сигнала тревоги. Что же; кому бы ни принадлежала раньше эта вещь, вряд ли хозяин явится сюда предъявлять свои права. И, нисколько не сомневаясь, он засунул находку в свой дорожный мешок.

Тем временем озеро сократилось до размеров небольшой лужицы, которая стремительно

уменьшалась. Наконец вся вода исчезла в глубокой яме, а точнее, дыре, находящейся прямо посреди темной каменной плиты, как будто проделанной кем-то нарочно. Конан бросил в эту дыру камень, но прошло довольно много времени, прежде чем далеко внизу раздался слабый плеск воды. Голос проводника отвлек его от дальнейших наблюдений:

— Надо спешить, никто не знает, когда вернется вода!

Наскоро побросав вещи в дорожные мешки, путешественники направились туда, где в каменной стене виднелся вход в пещеру, из которой еще вытекали тонкие струйки воды. С трудом поднявшись по мокрым камням, скользким от ила и водорослей, они забрались в узкий каменный лаз.

Здесь было темно и так тесно, что Конан едва протискивался вслед за своим проводником между сырьими шершавыми стенками, колossalным усилием воли подавляя малодушное желание немедленно повернуть назад. Он готов лицом к лицу встретить любую опасность, но там, где можно беспрепятственно дышать воздухом, где светит солнце и можно развернуться, а не здесь, стиснутому в этой каменной ловушке как какой-нибудь безглазый подземный червь...

Неизвестно сколько времени они ползли в непроглядной тьме, и могучий варвар с удивлением обнаружил, что испытывает нечто похожее на беспокойство. Что, если вода начала прибывать и уже нагоняет их? Интересно, водятся ли здесь под землей какие-нибудь животные и насколько они опасны? Если какая-нибудь из пещерных тварей нападет на них, сможет ли он достойно встретить неведомого противника? Неожиданно на ум пришел рассказ о путешественниках, заживо похороненных в пещере и случайно обнаруженных много лет спустя...

В то же самое мгновение до слуха Конана донесся отдаленный грохот камней. Так и есть; единственный выход на поверхность завален и они отрезаны от внешнего мира. Но, к полному своему удивлению, варвар заметил, что его спутник не проявляет ни малейшего признака беспокойства:

— Неужели ты ничего не слышишь? Нас засыпало!

— Это не по-настоящему. Пещера заставляет человека слышать все, что его страшит. Разве вы этого не знали? Вы же говорили, что выросли в горах.

— Никто из моего народа не спускался под землю. Это занятие не для уважающих себя мужчин.

Вскоре сзади раздался шум воды, который, казалось, усиливался с каждым мгновением, вслед за этим — грозное рычание какого-то очень крупного и злобного зверя. Пожав плечами, насколько позволяла теснота подземного коридора, Конан продолжал невозмутимо ползти вперед. Никаким пещерным духам не удастся заморочить ему голову.

Внезапно коридор закончился. Измученные путешественники буквально вывалились в круглый зал с высоким потолком, похожий на помещение древнего, всеми забытого храма. Откуда-то сверху струился мягкий зеленоватый свет. Каменные сосульки, причудливыми гроздьями свисающие с потолка, испускали странное бледно-зеленое свечение.

Но обоим было вовсе не до окружающей их красоты. Маленх, расположившись посреди зала, где было посветлее, расстелил на полу карту, а потом замер, держа над ней подвешенный на нитке кусочек металла, напоминающий наконечник стрелы.

— Он все время поворачивается на север, — бормотал проводник, — значит, мы должны находиться примерно здесь... Еще немного и туннель должен вывести нас на поверхность где-то на окраине города. Как жаль, что мы не догадались изготовить факелы. Придется идти в темноте, ориентируясь лишь на ощущение.

Не тратя времени на пустые слова, варвар взялся двумя руками за кончик светящейся каменной сосульки, висевшей прямо перед ним, навалился всем телом и вскоре с самым

невозмутимым видом продемонстрировал своему недогадливому спутнику обломок длиной и толщиной с руку взрослого человека.

Конечно, свет его не шел ни в какое сравнение с самым плохоньким факелом, но это было лучше, чем ничего, и, кроме того, можно было не опасаться, что вода или подземный сквозняк лишат их освещения.

Наскоро перекусив тем, что за несколько часов до того было в спешке брошено в дорожный мешок, они отправились дальше. Конан не переставал удивляться тому, что рассказывал ему по дороге маленький иранистанец. Как здесь, под землей, все странно: подземный ручей не обязательно выведет к реке, если откуда-то дует ветер, то это вовсе не означает, именно там находится выход, то, что на первый взгляд кажется удобной тропинкой, на самом деле может завести в тупик... Нет, чтобы он еще раз согласился сюда спуститься, ни за какие сокровища, даже за резной трон, будь он хоть фиолетовым, хоть еще каким! А обратно они пойдут по земле как мужчины, а не какие-нибудь пещерные мокрицы, даже если ему придется карабкаться по отвесным склонам, таща на себе и трон, и проводника... Интересно, откуда у него такие познания о пещерах и подземном мире и почему он так упорно уходит от ответа на этот вопрос?

Внезапно впереди забрезжил слабый свет. Пройдя еще около десятка шагов, путешественники даже без помощи светящегося камня смогли разглядеть собственные руки, затем стены и потолок пещеры.

Вскоре, с трудом пропихнувшись через узкое отверстие, они выбрались наружу.

— Ну и где этот твой город?

— Не понимаю, на карте он обозначен именно здесь. Я не мог ошибиться!

Там, где, если верить карте, должен находиться разрушенный город, простиравшаяся плоская равнина, поросшая колючим кустарником и выгоревшей на солнце травой. Не было ни остатков зданий, ни обломков, ни даже затянутых землей остатков фундамента — вообще ничего, что бы говорило о том, что когда-то здесь жили люди... Этот коротышка что-то напутал и они вышли не туда.

Теперь им придется снова спускаться в пещеру и неизвестно сколько времени бродить там, в тесноте и темноте, отыскивая другой выход.

— Нет, я не мог ошибиться этот металл всегда поворачивается на север — в который раз с отчаянием повторял Маленх, обходя долину и тщательно осматривая каждый пригород в поисках хоть каких-нибудь остатков исчезнувшего города.

— Не мог же он провалиться под землю — наконец снизошел до ответа Конан, сердито пнув ногой один из виднеющихся в траве бульжников.

Но, стоило ему это сделать, как камень, а вслед за ним и нога варвара провалились куда-то вниз. Поспешно освободив ее, он замер и плавным движением, которое с виду совершенно не соответствовало его мощному телосложению, отскочил на несколько шагов. На минуту он снова застыл, прислушиваясь, а затем опустился на землю и осторожно подполз к открывшейся дыре. Оттуда тянуло прохладным сухим воздухом подземелья. Когда Конан снова поднял голову и посмотрел на своего спутника, на лице варвара было написано сильнейшее удивление, смешанное с радостью.

— Ну, что? Что ты там увидел?

Вместо ответа он жестом предложил ему приблизиться и посмотреть самому. Тот по примеру Конана опустился на четвереньки и подполз к дыре.

— Он все-таки там, я не ошибся!

В самом деле, в полумраке, царившем под землей, где-то далеко внизу угадывались очертания зданий, какого-то храма, окруженного колоннами. Приглядевшись, они заметили даже украшенный статуями мост, стоящий теперь полностью на сухом месте.

Конан подобрал мелкий камушек и кинул его в дыру. Нет, это не было наваждением. Пролетев довольно большое расстояние, камешек ударился об угол крыши одного из зданий и отскочил куда-то в темноту. Стук, повторенный эхом, многократно отразился от стен пещеры.

Обшарив долину еще раз, они наткнулись еще на несколько таких же провалов, а вскоре нашли и вход достаточно удобный даже для Конана. Спустившись вниз по каменистому склону, а потом по удивительно хорошо сохранившейся мраморной лестнице, они, наконец, ступили на улицы заброшенного города.

Действительно, город целиком ушел под землю. Старая его часть, где когда-то, судя по всему, селились аристократы, оказалась в одной из гигантских пещер, которые образовали здесь настоящий лабиринт. Такое впечатление, что, поглотив город, земля снова сомкнулась над ним. Под каменными сводами и слоем земли оказались дворцы, особняки, целые улицы. Многие дома казались совершенно неповрежденными и даже не имели заброшенного вида, как будто хозяева только вышли и вот-вот должны вернуться. Рядом со многими из домов сохранились статуи, фигурные чаши фонтанов. Повернув за угол, путешественники заметили целый сад. На лишенные листьев ветки и давно высохшие стволы деревьев откуда-то с потолка медленно и безостановочно капали капли воды, покрывая их белым известковым налетом. Шаги путешественников гулким эхом отражались от стен мертвого города и затихали где-то высоко под сводами.

Им даже не понадобился светящийся камень и самодельные факелы, наспех изготовленные из обрывков одежды и сухих веток. Свет проникал сверху из нескольких дыр, подобных той, благодаря которой они в буквальном смысле слова докопались до истины.

Там, наверху, солнце, наконец, выглянуло из-за туч и лучи света выхватывали из темноты угол дома, чашу фонтана, почти целую беседку, украшенную мозаичными узорами...

— Куда же подевались все люди? — озадачено произнес Конан. — Не могли же они просто так взять и исчезнуть.

— В этих местах могло случиться все что угодно, — задумчиво ответил ему проводник. — Нам нужно отыскать дворец. Он должен находиться где-то поблизости.

— Думаю, нам стоит сначала... осмотреть парочку этих симпатичных домиков, — предложил варвар, в котором инстинкты бывшего вора взяли верх над всеми разумными доводами.

И, невзирая на протесты спутника, он решительно направился к одному из особняков. Почему бы заодно не поживиться, тем более что это даже не будет воровством.

* * *

Дом оказался достаточно крепким и, невзирая на глубокую трещину, змеившуюся по его фасаду, не производил впечатления ветхой постройки, готовой обрушиться на голову вошедшего от малейшего дуновения ветерка. Должно быть, это была вилла кого-нибудь из придворных аристократов — настоящий дворец со стенами из молочно-белого камня, украшенного синими и зелеными колоннами. Конан даже остановился полюбоваться на причудливую резьбу, покрывающую каждую колонну. Бот бы взять их с собой и предложить хотя бы этому любителю редкостей...

Внутреннее убранство дома пострадало гораздо больше. Как будто ребенок поднял и бросил со всей силы об пол кукольный домик. Перекрытие между этажами по большей части обрушилось, позволяя видеть стены, расписанные узорами из цветов и каких-то необычных растений с длинными листьями. Лестница, ведущая на второй этаж, была полностью отломана и

застыла под немыслимым углом. Всюду громоздились куски битого камня, перемешанные с пылью и мусором. Конан осторожно двинулся вдоль стены, оглядываясь вокруг и напряженно прислушиваясь к малейшему шороху. В заброшенных жилищах может встретиться все что угодно. Ма-ленх, который не пожелал оставаться на улице, следовал за ним, двигаясь на удивление ловко.

Ничего достойного внимания. Занавеси из ткани с золотыми нитями, еще хранящие запах благовоний, рассыпались от малейшего прикосновения, то, что, наверно, когда-то было сосудами из драгоценного матового стекла, уже много лет как стало кучей осколков, перемешанных с пылью. Конан поднял валяющийся прямо под ногами браслет но, покрутив, отбросил его в сторону. Вещь была безнадежно испорчена; это даже не украшение, а сплющенная золотая лепешка с остатками узора и осипавшимися камнями. На такое не польстился бы и самый неудачливый из воров Шадизара. Статуи, попавшиеся путешественникам на глаза, напоминали воинов, побывавших в жестоком сражении... Разочаровано пожав плечами, Конан направился дальше. Может быть, в других помещениях найдется что-нибудь более интересное, не уходить же отсюда вовсе без добычи.

За наполовину рухнувшей аркой из зеленого камня оказался бассейн — овальная чаша из того же блестящего бледно-розового камня, что стены и пол. Даже сейчас казалось, что за этими стенами вот-вот взойдет солнце. Нет, и здесь ничего; не тащить же с собой каменную скамейку в виде лепестка лотоса или несколько обломков статуй. Конану вспомнилась история об одном юном воре; не желая уходить с пустыми руками, тот решил прихватить из кухни котел с кипящей похлебкой...

Внезапно чуткий слух варвара уловил странный тихий звук, доносящийся прямо из бассейна, как будто по камню царапало множество острых коготков. Сразу же вслед за этим через каменный бортик перевалилось что-то темное. Существо, похожее издали на очень большую черепаху, проворно устремилось к вошедшим, чуть покачиваясь на длинных суставчатых ногах и вытягивая острый хоботок. Вслед за первым из бассейна показалось еще около десятка подобных ему созданий.

Не тряся времени на ненужные сомнения и колебания, Конан вытащил меч и подготовился отразить нападение. Вряд ли у этих тварей на уме что-нибудь хорошее, скорее всего, они решили, что редкое лакомство само пришло к ним. Ну, а если он не угадал — какая разница, главное убраться отсюда целыми и невредимыми.

Тем временем первое из непонятных созданий, пробежав половину расстояния, вдруг подпрыгнуло и опустилось рядом с варваром. Крохотная головка сделала быстрое движение и жесткий хоботок легко проткнул сапог из кожи каменного зингарского варана и уже нацелился повыше. Конан размахнулся и мощным ударом ноги отправил прыгающего хищника через одно из окон второго этажа, а затем взмахнул мечом, намереваясь одним ударом покончить со следующим. Но хищное существо успело отскочить на несколько шагов, и острое лезвие только чуть-чуть поцарапало плотный хитиновый панцирь.

Сзади послышался жалобный крик; Маленх, на которого напало сразу трое странных созданий, попытался убежать, но зацепился за расколотую колонну и растянулся во весь рост. Сразу же одно из них скакнуло прямо на него. Вцепившись в одежду упавшего цепкими ножками, оно уже протягивало хоботок к лицу оцепеневшего от ужаса иранистанца. Двое других ползали по нему, не давая подняться.

Мощным ударом отшвырнув в сторону кусачую тварь, Конан поспешил выручить своего спутника. Схватив оседлавшую Маленха прыгающую черепаху, он ударил ею об угол какого-то каменного блока, весьма кстати оказавшегося рядом. Хитиновый панцирь раскололся, и во все стороны брызнула темная, отвратительно пахнувшая жидкость. Еще одну, прыгнувшую ему

навстречу, варвар разрубил прямо в полете. Маленх, который к тому времени более-менее пришел в себя, расправился с остальными двумя, довольно удачно швырнув в них увесистыми обломками колонны из нежно-розового камня. Остальные нападающие, окончательно убедившись, что люди не являются такой уж легкой добычей, устремились прочь, высоко подпрыгивая на смешных суставчатых ногах и издавая звуки, похожие на старческое бормотание. Конан потащил спутника к выходу.

— Пора убираться отсюда, кто знают, вдруг им взбредет в голову вернуться.
— Нам нужно найти дворец, мы гае можем уйти отсюда без фиолетового трона.
— А кто тебе сказал, что мы уйдем отсюда с пустыми руками?

Искать дворец им пришлось не так уж и долго. Они прошли до конца бывшей улицы, обогнули один из особняков, полностью превратившийся в груду камня, повернули еще несколько раз и вскоре оказались на центральной площади мертвого города.

Они вышли на главную городскую площадь. Здесь почему-то особенно остро ощущалось, что прошло уже не одно столетие с тех пор, как жизнь покинула этот город. Отполированные каменные плиты, которыми площадь когда-то была выложена, где-то встали дыбом, где-то застыли под самыми разными углами как льдины на северной реке в начале ледохода, где-то покрылись сеткой трещин. От чаши фонтана осталась только куча битого камня, в то время как на статуе, стоящей в ее центре, путешественники не заметили ни одного повреждения. Гигантская рыба с руками и ногами взрослого мужчины уставилась выпученными каменными глазами в сторону дворца, как будто удивляясь, почему из ее пасти больше не льется вода.

Вокруг стояло еще несколько изваяний такого же отталкивающего вида. Одно из них напоминало осьминога с угрожающе растопыренными щупальцами, другое — рыбу-луна, которая почему-то обзавелась собачьими лапами и ушами. Осматривая их, Конан ощутил странный зуд, как будто у него под кожей забегали целые полчища муравьев. Маленх, едва ступив на площадь, побледнел и начал продвигаться мелкими шажками, что-то бормоча и непрерывно чертя в воздухе охранные знаки, принятые у народов, живущих гораздо южнее Шадизара. Но, отметив это про себя, Конан прогнал тревожную мысль прочь. В конце концов, каждый волен молиться тем богам, каким считает нужным. Гораздо больше его занимала сейчас другая мысль: причиной всему, что произошло здесь, было вовсе не землетрясение. Смутная догадка окончательно превратилась в непоколебимую уверенность. Если бы он пожелал приподнять завесу над тайной подземного города, то разгадку следовало бы искать именно здесь. Но у благородного варвара не было никакого желания забивать себе голову проделками давно умерших магов. Они с Маленхом явились сюда не за этим, а задерживаться дольше чем нужно ему совершенно не хотелось.

— Чародеи, Эрлик их раздери! — недовольно проворчал киммериец — так я и думал. Вечно все испакостят, как дорвутся до власти.

И, погрозив мощным кулаком человеку-рыбе, он оглянулся в поисках дворца. Маленх, побледнев еще больше и не переставая что-то бормотать, крепко держась за висевший у него на шее кожаный мешочек, последовал за ним.

Как и положено, дворец находился на центральной площади, только состояние, в котором он пребывал, иначе, как жалким назвать было просто невозможно. Часть фасада со стрельчатыми окнами и ажурными аркамиказалось, готова была рухнуть от малейшего ветерка. Несколько пролетов лестницы из сверкающего белого камня с серебряными прожилками устремлялись в никуда. От окончательного падения их удерживала только громадная, опасно накренившаяся колонна. От центральной части здания осталась лишь часть первого этажа, чудом сохранившаяся благодаря выступу в стене пещеры.

— Надеюсь, фиолетовый трон находится там, — так же недовольно буркнул Конан,

разглядывая остатки дворца. — Если перебирать всю эту каменолому, мы можем задержаться здесь не меньше чем на неделю.

Маленх с восхищением покосился на мощную фигуру Конана, не возразив ему ни единым словом. Судя по всему, он не испытывал даже тени сомнения в том, что при желании его спутник способен и не на такое.

Приблизившись к полуразрушенному зданию, путешественники сперва обошли вокруг, внимательно осматривая его. Мысль о том, что, преодолев все трудности пути и проникнув в подземный город, они могут погибнуть так же нелепо как мыши в ловушке, не прельщала ни того ни другого. Чтобы окончательно удостовериться в прочности стены, Конан уперся в нее спиной и сделал усилие, как будто собирался сдвинуть ее с места. К счастью, ни один из камней даже не шелохнулся; все они прочно лежали там, где и были все это время.

Здесь царил полумрак, так как все окна были намертво завалены остатками верхних этажей, и Конану пришлось снова извлечь из дорожного мешка обломок светящегося камня из пещеры. Зал; куда они попали, с трудом пробравшись между остатками колоннады из драгоценного бледно-зеленого камня, напомнил Конану заднюю комнату в жилище одного из скопщиков краденого. Там точно так же в беспорядке громоздились предметы мебели, картины и прочие вещи, которыми аристократы так любят украшать свои дома. Пахло древней слежавшейся пылью и затхлостью, которая неизбежно появляется в любом помещении, если там долгое время не открывать окна.

Столик с мозаичной крышкой и хлипкими ножками в виде змей, резная деревянная рама, изображающая множество крохотных птичек, усевшихся на виноградной лозе и клюющих ягоды... Конан уже решил поискать трон или его остатки в следующих уцелевших помещениях, как вдруг заметил кусок резной спинки, торчащий из кучи полусгнивших ковров. Он даже разглядел несколько фигурок, лишь отдаленно напоминающих человеческие. Варвар без особого труда перелез через остатки упавшей стены, отпихнул в сторону разбитую статую, от которой остался лишь торс и рука, держащая музыкальный инструмент, похожий на изогнутую флейту. Как и следовало ожидать, ковры, на которых еще можно было разглядеть сцены сражения людей с гигантскими ящерицами, обратились в пыль при первом же прикосновении.

Взору его предстало деревянное кресло с высокой спинкой, покрытой тончайшей резьбой и подлокотниками в виде двух дремлющих тритонов.

Без сомнения перед ними было то, ради чего они отправились в это путешествие и преодолели все трудности пути. Фиолетовый трон чудом уцелел при катастрофе, разрушившей город, но время не оставило на нем никаких отпечатков, как будто он не валялся Кром знает сколько времени под землей в развалинах дворца. Ни одна из самых мелких деталей резной картины не была отломана, трон даже нигде не был поцарапан, а его древесина сливового цвета источала нежный запах, похожий на аромат цветущего луга в южной Аквилонии.

Рассмотрев свою находку и поудивлявшись ее скромным размерам, Конан взвалил трон себе на плечо и вслед за Маленхом направился к выходу. Но тут острый слух варвара во много раз более чуткий, чем у дикого зверя, уловил еле слышные звуки, раздававшиеся где-то наверху. Чего-то шуршало, потрескивало, что-то тяжелое балансировало на ненадежной опоре... Инстинкты, не раз выручавшие Конана, не подвели и теперь. Не раздумывая, он схватил иранистанца за шиворот, легко перебросил себе на свободное плечо и в несколько прыжков достиг другого конца зала. Б следующее же мгновение кусок стены одного из верхний этажей соскользнул вниз, с грохотом ударился о пол пещеры, намертво закупорив дверной проем.

Отпустив полузадушенного Маленха, Конан невозмутимо направился в другую сторону, где в полумраке виднелся проход, ведущий во внутренние помещения. Должен существовать и другой выход из дворца, а по дороге можно случайно найти что-нибудь ценное. В самом деле, не

успев сделать и десяти шагов, он наткнулся на целую россыпь легких цилиндриков. Конан поднял один из них; ну, конечно, свитки из дворцовой библиотеки. За некоторые из них могут дать больше чем за целый мешок, набитый золотом и драгоценными камнями. Не слушая притчаний своего спутника, которому казалось, что потолок вот-вот обрушится прямо на него, варвар набрал свитков, сколько смог найти и плотно набил ими дорожный мешок. Вот и добыча, теперь не стыдно будет возвращаться.

Выйдя из дворца, они по молчаливому соглашению нашли другую дорогу из пещеры. Магия, которой во дворце совсем не чувствовалось, казалось, скопилась вокруг странных и безобразных скульптур на площади подобно незримому облаку. Ни один ни другой из путешественников не испытывал желания проникнуть в загадку подземного города и, тем более, борясь с поселившимся там неведомым злом. Единственным их желанием было оказаться со своей находкой как можно дальше отсюда и желательно не под землей.

* * *

Обратная дорога оказалась намного тяжелее. Сначала они пытались найти путь через горы, чтобы не спускаться под землю, где фиолетовый трон легко мог бы пострадать от сырости или его могли случайно ударить о стенку пещеры. Но, пропутав несколько дней по горам, путешественники были вынуждены возвращаться той же дорогой. В одном из домов мертвого города они отыскали несколько более-менее сохранившихся шкур, в которые старательно завернули драгоценную находку.

Еще день они провели в подземном зале, ожидая, когда вода в озере уйдет и они смогут выбраться наружу. Ничего подобного варвар не видел за свою богатую приключениями жизнь. Из дыры под самым потолком пещеры стекал небольшой водопад, который заканчивался крохотным озерцом в каменной чаше. Вода бурлила и пенилась как в ведьмином кotle, оставаясь при этом совершенно холодной. Но самым удивительным было даже не это. В подземном озере прыгали, поднимались на поверхность и снова опускались на самое дно настоящие жемчужины. При свете факела они сверкали и переливались самыми нежными оттенками. Подземный жемчуг, такой редкости просто цены нет! Конан отловил около десятка самых крупных жемчужин и спрятал в поясной сумке, удивляясь, отчего Маленх не хочет поступить так же. Это же целое состояние, надо быть настоящим безумцем, чтобы по доброй воле отказаться от такого богатства. Но причину отказа Конан понял когда, выбравшись из пещеры, решил полюбоваться своим сокровищем при солнечном свете. Жемчуга не было, на ладони лежало десять невзрачных серых камушков. Потеряв голову от ярости, он набросился на Маленха, обвиняя в подмене, но тот с неожиданным проворством удрал, забравшись на самую вершину высокого дерева, которое непонятно как выросло из трещины в скале. Оказавшись в относительной безопасности, иранистанец, принялся втолковывать разъяренному варвару, что подземный жемчуг не может жить вне пещеры, а, оказавшись на поверхности, быстро превращается в обычную гальку. Оставив попытки выдернуть дерево с корнем, Конан взглянул на камушки еще раз. Увидев среди них один, особенно запомнившийся ему, в виде немного вытянутого сердечка, он наконец поверил и с проклятиями выбросил бывшие жемчужины в озеро, вода в котором уже плескалась так же высоко как в тот день, когда они впервые пришли сюда.

Еще несколько дней занял путь до гостиницы, где путешественники рассчитывали получить назад своих лошадей, свежих и отдохнувших. Каждый раз, останавливаясь на отдых, Конан и Малеях разглядывали свою находку. Фиолетовый трон был сделан очень искусными мастерами и каждой из вырезанных фигур можно было различить самые мелкие детали — каждую чешуйку

на хвосте, шерстинку, фигурную пряжку на одежде. Но больше всего восхищали их обоих подлокотники, сделанные в виде двух тритонов. Казалось, эти существа дремлют, полузащищив глаза тяжелыми веками, при этом не упуская из вида ничего происходящего вокруг.

Несмотря на усталость и скучное питание, которое теперь ограничивалось случайной охотничьей добычей, на душе у обоих было * легко и радостно. Цель путешествия достигнута, самые большие трудности позади. Оставшуюся часть пути они проделают верхом; больше не придется тащиться пешком и нести на спине находку, которая несмотря на бесспорную ценность, имела довольно изрядный вес.

* * *

Гостиница, которую они заметили издалека, после тяжелого пути понравилась им еще больше. Стекла в ее окнах казалось, сверкали еще более приветливо, а красные шестиугольники, которыми была выложена дорога, так и манили скорее ступить на них. Впереди их ждала ванна с горячей водой, вкусный обед вместо надоевшей дорожной пищи и мягкие чистые постели. В мечтах Конана присутствовала еще и хозяйка, которая за это время, разумеется, поняла, как нужно поступать, когда мужчина вроде него обращает на нее свое благосклонное внимание.

И в самом деле, не успели они приблизиться, как дверь гостиницы отворилась и на пороге возникла хозяйка. Теперь Конан мог разглядеть ее лицо: светло-серые глаза, которые казались почти лишенными окраски, смуглая, скорее желтоватая кожа. Красавицей ее вряд ли можно назвать, но для того, кто много дней не видел ни одной женщины... Она, казалось, совсем не удивилась возвращению путешественников:

— Что угодно благородным господам? Я только что приготовила кроликов на вертеле.

— Вот ими и поужинаем, а сейчас нам нужно отдохнуть с дороги... И пусть нагреют побольше воды.

— Будет исполнено. Я покажу вам ваши комнаты.

Поднимаясь по лестнице вслед за женщиной, Конан любовался ее стройной фигурой и как мог, расхваливал гостиницу и особенно очаровательную хозяйку, которой удается все содержать в таком образцовом порядке. В то же время интуиция призывала его обратить внимание на некоторые вещи. Почему улыбка этой женщины показалась ему какой-то неправильной, не такой как нужно? Ну, разумеется: когда человек улыбается искренно, от души, вокруг глаз собираются крохотные морщинки, на щеках появляются ямочки. А тут совершенно неподвижное лицо, на котором шевелятся только губы. И какие еще кролики здесь в горах; они провели здесь уже немало времени и не встретили ни одного. Но варвар отмахнулся от всех подозрений: подумаешь, улыбка; он проведет с этой женщиной одну-две ночи и вряд ли когда-нибудь еще ее увидит. А кроликами она пускай называет хоть тушеных ящериц, лишь бы они были приготовлены как следует, он не собирается привередничать. В самом деле, какой опасности можно ожидать в этом милом охотничьем домике?

Комнаты, куда поселили путешественников, оказались в разных концах коридора и были отделены друг от друга тремя пустующими помещениями. Странный выбор; разве не удобнее было бы поместить их в двух соседних комнатах? Хотя, с другой стороны, они уже долго не разлучались ни днем, ни ночью, а впереди еще длинный путь, когда физиономия Маленха будет круглые сутки маячить у него перед глазами. Так приятно иногда побывать одному... то есть, не совсем одному.

В комнате, которую отвели Конану, была большая кровать, покрытая мягким расшитым одеялом, полосатый коврик на полу и даже букет из невзрачных желтых цветочков в глиняном

кувшинчике на столе. Столько дней он мечтал оказаться здесь, но, стоило оставаться одному, как подозрения вспыхнули в его душе с новой силой. Нужно пойти и проводить лошадей; он собирался это сделать, но женщина заморочила ему голову рассказами про кроликов на вертеле с приправами из трав, которые растут только в этих местах.

Та же самая интуиция подсказала Конану, что лучше всего будет покинуть комнату так, чтобы не заметил никто из обитателей гостиницы. С трудом прятиснувшись з маленько оконко, варвар бесшумно спрыгнул вниз. Мягко приземлившись с грацией снежного леопарда, обитающего в горах Северной Киммерии, Конан огляделся вокруг.

Почему-то теперь гостиница не выглядела такой красивой и уютной. Вместо зеленой краски он увидел доски, посеревшие от дождей, вместо сверкающих стекол окна были частично затянуты бычьим пузырем, а частично и вовсе заколочены. Ни цветов на подоконниках, ни запаха жареного мяса, который еще недавно так приятно щекотал ему ноздри.

Охваченный недобрым предчувствием, Конан бросился на задний двор, где стояла конюшня. Так и есть: хозяйствственные постройки были неряшливо сколочены из самого разнообразного материала и, очевидно, очень давно не использовались. Крыша конюшни наполовину провалилась вовнутрь, а настежь открытая дверь хлопала под ветром, еле держась на одной петле. Как вихрь ворвавшись в конюшню, Конан остановился, пораженный ужасным зрелищем. Вместо его жеребца и лошадки Маленха посреди пыльного замусоренного помещения виднелись две кучки аккуратно обглоданных костей и знакомая упряжь. Конан почувствовал, как бешеная ярость заполняет все его существо. Он выхватил меч и сделал несколько тяжелых шагов к выходу, полный решимости воздать должное нечисти, жертвой которой пали невинные животные. Но не успел он выйти во двор, как столкнулся с хозяйкой гостиницы, которая стояла напротив дверей, загораживая ему вход.

— Ты знаешь-ш-ш — произнесла она, и в голосе ее не было ничего человеческого. — Ты догадался. Ты умреш-ш-ш.

Черты ее исказились в злобной гримасе, а потом начали стремительно изменяться. Уменьшились и спрятались под узким нависающим лбом глаза, рот, полный мелких острых зубов, разъехался в разные стороны.

Женская фигура тоже меняла свои пропорции: руки удлинялись, пока не начали доставать почти до земли, выгнулась дугой спина, на которой выросли жесткие кожаные крылья. Отвратительное существо, представляющее собой нечто среднее между обезьянкой и летучей мышью, злобно ухмылялось прямо в лицо Конану, а потом прыгнуло прямо на него, вытянув передние конечности с острыми когтями, не уступающими по размеру стилетам — излюбленному оружию придворных аристократов Кофа.

Конан лишь отступил на шаг, выставив перед собой меч, и страшное существо, не видящее ничего кроме своей предполагаемой жертвы, со всего размаха налетело прямо на сверкающее лезвие. Пытаясь дотянуться до киммерийца своими страшными лапами, то, что еще недавно было симпатичной женщиной, двинулось, было, вперед, не обращая внимания на клинок, который на ширину ладони торчал из спины между бешено машущих крыльев. Но, не успело ужасное создание продвинуться и на полшага, как его уродливые задние лапы подкосились, сверкающие злобой глаза заволокла пленка и оно медленно завалилось набок. Убедившись, что тварь окончательно мертвa, Конан устремился в гостиницу выручать Маленха, который, должно быть, еще не знал о нависшей над ними смертельной опасности.

Не успев добежать до двери его комнаты, он услышал шум, свидетельствующий о том, что еще немного и выручать было бы некого. Дверь была заперта изнутри на засов, но Конан выбил ее одним небрежным движением. Маленх на котором из одежды были только штаны, пытался с помощью ножа, обычно использующегося для приготовления пищи, отбиться от такой же твари,

только поменьше ростом. На его спине и груди красовалось уже не менее десятка царапин от когтей. Конан не стал долго раздумывать. Описав полукруг, его меч отсек существу голову и одно из крыльев. В этот момент иранистанец изловчившись, вонзил кухонный нож прямо в сердце жуткой твари. С пронзительным визгом, от которого у Конана зазвенело в ушах, жуткое существо испустило дух.

И только сейчас они заметили, что здание гостиницы становится все дряхлее и дряхлее. В еще недавно таких прочных деревянных стенах образовалось множество щелей, которые стремительно расширялись, полосатый коврик на полу потерял всякий цвет и казался сплетенным из сухой болотной травы. Потолок прогнулся и угрожающе навис на самыми головами. Все кругом трещало и шаталось.

Велев спутнику бежать отсюда пока цел, Конан в несколько прыжков достиг двери своей комнаты. Там царило полное запустение, посреди которого одиноко стоял фиолетовый трон. Взвалив его на спину и накроcко закинув на плечо дорожный мешок, Конан устремился к выходу. Пол скрипел и прогибался под ним, лестница, казалось, готова была развалиться, да и сама гостиница напоминала плохо сложенный карточный домик. Маленх ждал его во дворе. Он был уже полностью одет и настороженно оглядывался вокруг, сжимая в руке все тот же «кухонный» нож.

Но больше на них никто не нападал. То, что окружало их теперь, совершенно не походило на чистенький постоялый двор, в который они еще недавно входили, полные мыслей об отдыхе. Но Конан счел отмщение недостаточным. Разбежавшись, он ударил всем своим весом в стенку гостиницы. Та пошатнулась и с шумом обрушилась, увлекая за собой все здание. Точно так же варвар поступил с конюшней и сарайчиком, в котором уже давно не держали домашних животных.

Ступив на дорогу, путешественники заметили, что красные шестиугольники, которые еще недавно были уложены плотными рядами, теперь шатаются и вываливаются со своих мест при малейшем прикосновении. Между ними зеленела трава, покачивались под ветром сухие былинки. Куча старого дерева, оставшаяся на месте гостиницы, прямо на глазах проседала, пока окончательно не сравнялась с землей. Пройдя несколько шагов, Конан и Маленх обнаружили, что ступают не по мощеному тракту, а по сухой растрескавшейся земле. Красные шестиугольники крошились у них под ногами и уходили глубоко вниз.

Выругавшись на нескольких языках, они заспешили подальше от этого места. До захода солнца нужно было успеть найти удобное место для ночевки.

...Хозяин замка, стоящего в месяце пути отсюда, в оазисе посреди самой ужасной пустыни этого континента в ярости отбросил в сторону кубок, темно-красная жидкость из которого расплескалась по полу. Отвратительная темно-бурая крыса, не уступающая по величине комнатной собачке, выскочила из темноты и принялась жадно лакать неожиданно доставшееся ей лакомство. Хозяин замка бросил на нее полный гнева взгляд и произнес пару слов на всеми забытом древнем языке. Бушующее пламя охватило животное от покрытого чешуйками хвоста до кончика острой мордочки. Издав жалобный писк, крыса попыталась бежать, но, не успев даже сдвинуться с места, обратилась в горстку пепла.

Немного успокоившись, чародей подошел к черному сундуку, на котором виднелись зловещие символы, инкрустированные желтоватой костью. Он извлек оттуда пару перчаток из тонкой замши, цвета самой непроглядной тьмы, не спеша надел их и только после этого вынул книгу, переплетенную в кожу, которая не могла принадлежать никому из известных животных.

Ничего, киммериец, я все равно возьму то, чем желаю владеть!

Обратный путь они продолжили по уже знакомым местам. Железнную рощу, где листья-лезвия имеют обыкновение падать на тех, кто неосторожно приблизится к какому-нибудь из деревьев, они обошли еще дальше, чем в прошлый раз. Снова пришлось переночевать посреди полянки с костяными «цветами» несмотря на то, что теперь они казались обоим еще более омерзительными. Но уж лучше это порождение неведомой магии, которое, несмотря на свой отталкивающий вид, не причиняет никому зла, чем твари, которые бродят в долине после захода солнца. Вершина горы, на которой согласно преданию сидит окаменевший колдун, была затянута тучами, отчего Конан не мог отделаться от ощущения, что вершина пуста, а каменный старик отлучился куда-то по своим делам.

Через несколько дневных переходов они должны были покинуть Гирканские горы и ступить на ровную дорогу, где можно рассчитывать на помощь других путников. Может быть, удастся проделать остаток пути в телеге какого-нибудь крестьянина, возвращающегося с ярмарки, или даже купить себе коней взамен тех, съеденных неведомыми тварями.

Но за несколько дней до этого Конан заметил, что поведение его спутника становится каким-то другим. Нельзя сказать, чтобы за это время они стали друзьями, но все же пережитые вместе опасности сблизили этих двух так непохожих друг на друга людей. Киммериец в глубине души радовался, что не настоял на том, чтобы отправиться за фиолетовым троном одному. Маленх по-прежнему спокойно переносил все тяготы путешествия, все так же охотно готовил, рассказывал забавные истории, но взгляд его упорно ускользал от Конана, а веселье казалось каким-то вымученным, как будто что-то беспокоит его, не давая покоя ни днем, ни ночью. Благородный варвар не придал этому никакого значения: мало ли какая причина заставляет человека печалиться, а приставать с расспросами о том, что его не касается — занятие, достойное лишь старых сплетниц.

Однажды вечером вкус травяного отвара показался Конану каким-то странным не таким как всегда а, украдкой взглянув на Маленха, варвар увидел, что тот как будто ожидает чего-то, так и не прикоснувшись к своей чашке. Но Конан умел извлекать уроки из всего, с чем сталкивала его судьба. Искусно сделав вид, что допил отвар до конца, он растянулся у костра, но вскоре почувствовал, что и двух глотков, по неведению выпитых им, оказалось достаточно. Мощное тело варвара перестало ему повиноваться. Единственно, что он мог, это открывать и закрывать глаза. Полным гнева взглядом Конан уставился на предателя. Как он мог; это даже хуже, чем ударить в спину! Тот покраснел и опустил глаза, но тут же справился с собой и заговорил:

— Мне очень жаль, господин Конан, что пришлось это сделать. Знаю, что такой честный и благородный человек как вы не найдет оправдания моему поступку, но все же, пока вы живы, я хочу, чтобы вы выслушали меня и не держали на меня зла, оказавшись за Чертой Тьмы. Дело в том, что фиолетовый трон должен попасть в руки моего настоящего господина, а не этого надутого аристократишкы, который даже не понимает истинной ценности той вещи, которую мечтает заполучить в свою коллекцию. Вы спросите, что в нем такого? Все, что я знаю — обладание им придает человеку какие-то особые сверхъестественные качества, но для этого нужно уметь с ним обращаться или обладать особыми качествами. Мой хозяин — настоящий чародей, сила его нескованно велика. Мне очень не по душе, господин Конан, что пришлось отравить вас, но тот, кто вздумает перечить моему господину, теряет больше, чем жизнь. И у него в услужении моя сестра... Не беспокойтесь, это был сок стигийского кактуса; ваша смерть будет легкой, вы просто уснете и будете видеть приятные сны...

Слушая сбивчивую речь своего недавнего товарища, Конан безуспешно старался если не

пошевелиться, то, хотя бы, сжать кулаки, чтобы найти выход охватившему его гневу. Но, услышав, что гнусное предательство было совершено с ним по приказу чародея, он ощутил, как ярость заполняет все его существо подобно лесному пожару в джунглях Черных королевств. Действие яда прекратилось, руки и ноги снова слушались его. Внезапно вскочив, он схватил за шиворот потрясенного иранистанца, поднял его высоко над головой и, сделав пару шагов, со всего размаха швырнул в пропасть, на дне которой глубоко внизу протекала бурная горная речка.

— Зато твоя смерть не будет приятной, трус!

И, от души пожелав, чтобы слуги Эрлика «позаботились» о его душе, варвар продолжил путь в одиночестве.

* * *

Но, едва Конан снова тронулся в путь, как дорогу ему преградила грязь из осипавшихся камней. Киммериец знал, что, однажды начав осыпаться, камни могут снова начать падать в любое мгновение.

Поэтому он решил обогнуть гору и вернуться на тропу чуть позже. Но, стоило ему отойти на несколько десятков шагов, как все вокруг затянуло туманом, двигаться в котором приходилось на ощупь. Когда же туман, наконец, рассеялся, варвар с удивлением обнаружил, что находится в совершенно незнакомом месте. Не было рыжих скал, похожих на застывшие потоки пенной жидкости, не было даже тропы, которая привела его сюда. Всюду, куда хватало взгляда, простирались горы из светло-серого камня. Оглянувшись вокруг, он невозмутимо пожал могучими плечами.

Ничего, он найдет нужную дорогу, ориентируясь по солнцу.

Прошло еще несколько дней. Варвар шел с утра до вечера, неся на себе трон из подземного города, все также завернутый в шкуры и дорожный мешок с самым необходимым. Теперь ему не нужно было умерять свои шаги, заботясь о том, чтобы не отстал более слабый спутник. Он был один и останавливался только для того, чтобы добыть пищу и позволить себе краткий отдых.

Звезды и солнце указывали дорогу верно, но однажды вечером вместо торгового пути Конан увидел перед собой бескрайнюю пустыню, прозванную путешественниками Адским Пеклом. Здесь не было даже той скучной растительности, которая встречается обычно в подобных местах, не водилось даже змей и ящериц. В этих ослепительно-белых песках не было вообще никакой жизни и горе тем самонадеянным, которые, понадеявшись на запасы воды и выносливость выночных дромадеров, решались пересечь это бескрайнее песчаное море. Кости их навсегда оставались в Адском Пекле, служа предостережением всем прочим...

Остановившись, Конан развернул карту, которую предусмотрительно достал из дорожного мешка своего горе-проводника и попытался определить, в какой из уголков Адского Пекла забросила его судьба. Выходит, из-за тумана он сделал круг и двинулся прямо в противоположном направлении. Нужно повернуть назад и поискать более удобную тропу. А пока что он передохнет и покрепится мясом добытого накануне горного козла. Не самая лучшая еда, но все же лучше, чем ничего.

Но не успел варвар расположиться на отдых, как прямо перед ним закрутился непонятно откуда возникший смерч, на месте которого возникла мужская фигура, как будто сотканная из множества песчинок. Конан, который всегда выделялся среди окружающих своим мощным ростом и телосложением, вдруг почувствовал то же самое, что чувствует ребенок рядом со взрослым. Некоторое время двое мужчин стояли, глядя друг на друга. Необычный собеседник первым нарушил молчание. Голос его напоминал отдаленные раскаты грома.

— Ты убил моих слуг!

— Каких еще слуг? Ты имеешь в виду того трусливого предателя, недостойного называться мужчиной?

Песчаная фигура отрицательно покачала головой.

— Или ты об этих великанских блохах?

Но его слова не были даже удостоены ответа, будто они не были сказаны вовсе. Голос странного явления прозвучал неожиданно спокойно.

— Эти существа принадлежали к очень древней расе, древней человеческого рода. Они умели принимать вид любого существа живого и когда-либо жившего, создавать иллюзию любой картины из прошлого и настоящего. Так выглядела гостиница «Горный козел» в период наибольшего процветания. Гораздо лучше той жалкой халупы, мимо которой вы с этим хитрым иранистанцем благополучно проскочили. Они хорошо служили мне, и гибель их меня очень огорчила. Но я не стану отнимать твою жизнь: уничтожать такого воина как ты было бы слишком расточительно. Ты заменишь мне тех, кого я лишился по твоей вине, киммериец, и тогда я проявию милосердие и сохраню тебе часть разума.

Чтобы он, Конан, стал игрушкой в руках какого-то колдуна?! От ярости у него на мгновение потемнело в глазах, а легкие заработали подобно кузнецким мехам. Но врожденная варварская хитрость подсказала ему, что сила и ловкость сейчас не являются преимуществом и не приведут к победе над созданием темного волшебства. Следовало немного потянуть время и присмотреться к неведомому противнику в поисках слабых мест. Конан взглянул на него с выражением наивного любопытства. Песчаная фигура благосклонно кивнула.

— Я вижу, ты хочешь о чем-то меня спросить, смертный. Спрашивай!

— Зачем ты велел своему слуге отравить меня? Песчаный силуэт заколыхался, меняя свои очертания, издавая непонятные клекочущие звуки. Конан с трудом догадался, что это был смех.

— Я не держу у себя на службе глупцов, которым ведом стыд и угрызения совести; разве ты не понял то, что я тебе только что сказал? На самом деле тебя интересует вовсе не это. Ты хочешь знать, что послужило причиной трагедии подземного города.

Конан утвердительно кивнул, косясь на фиолетовый трон, который он поместил между двумя валунами. Можно не беспокоиться, даже самый сильный ураган не сможет унести его.

— Разве тебя не удивило, что изваяния на площади изображают морские существа, в то время как море находится очень далеко отсюда? Когда-то давно много столетий назад эта пустыня и большая часть гор были морским дном. Город же, жители которого тогда видели небо, находился на берегу залива. Море мелело, уходя все дальше и дальше, но жители продолжали поклоняться тем же самым богам, веря, что в один прекрасный день соленая вода снова заплещется у городских стен и все снова будет по-старому. Но боги не слышали их и тогда пятнадцать самых могущественных чародеев собрались на городской площади. Они намеревались принести жертву, которая вернула бы милость старых богов. Но силы, которые уже давно были главными в этих местах, сочли их поступок великим непотребством и земля поглотила город... Но достаточно разговоров, я довлетворил твое любопытство. Сейчас ты принесешь мне трон и признаешь меня своим повелителем. Ну же, я жду! — На, получи!

И Конан быстрым как молния движением выхватил меч и несколько раз рассек песчаную фигуру. Но, вместо того, чтобы упасть, та еще больше увеличилась в размерах и продолжала расти, пока не закрыла собой все вокруг. Песчинки, составляющие ее, начали двигаться все быстрее и быстрее, издавая тихое жужжение, которое постепенно перешло в оглушительный рев. Вскоре песчаный смерч крутился вокруг Конана. Горячий песок лез в глаза, набивался в рот, не давая дышать. Варвар почувствовал, как его пальцы, держащие оружие, помимо воли медленно

разжимаются. Меч, поднять который было под силу далеко не всякому, легко как перышко унесло ревущим потоком воздуха.

Последним отчаянным усилием Конан поднес руку к поясу, ища хоть что-нибудь, что могло бы послужить оружием. И вдруг пальцы его ощутили какой-то фигурный предмет. Пояс со дна озера! И варвар, поудобнее перехватив находку, хлестнул вокруг себя, выписывая круги и спирали.

Когда-то гладиаторов, среди которых находился и молодой пленник из Киммерии, чтобы удивить публику необычным зрелищем, заставляли учиться владению экзотическим оружием. В том числе и оружием кхитайских странствующих монахов. Два колокольчика, подвешенные на концах длинной веревки, не производили впечатления чего-то грозного, однако в умелых руках помогали своему хозяину выстоять против целого отряда...

Песчаный ураган успокоился и снова собрался в подобие человеческой фигуры. Выходит, с этим врагом можно справиться при помощи серебряного пояса! И, повинувшись скорее инстинкту, чем голосу разума, Конан точным движением набросил серебряный пояс на шею песчаной фигуры. Раздался ужасный вой, по сравнению с которым голос Поющей горы показался бы чарующей мелодией и неведомый враг рассыпался, превратившись в обычновенный бархан.

Далеко отсюда, в замке посреди оазиса, чародей, имя которого никто не решился бы произнести вслух, сполз на пол, корчась и хватаясь за шею, как будто пытался освободиться от невидимой веревки. Восстановив дыхание, он произнес полным ненависти голосом:

— Киммериец, где бы ты ни был, я найду тебя! Ты мне заплатишь за это!

* * *

Невозмутимо пожав плечами, Конан снова взвалил на спину свою ношу и двинулся дальше. Теперь он знал, в каком направлении ему следует идти.

Он избрал самую короткую, но самую трудную дорогу, ведущую по самой высокой части горной цепи, именуемой Змеиный Хребет. Здесь на камнях не росло ничего, что могло бы послужить пищей для костра — сплошной камень, если не считать чахлых травинок, то тут, то там выглядывающих из трещин. Зато в этих местах не бушевала когда-то война магов, и можно было не опасаться, что неожиданно наткнешься на один из сюрпризов, которыми воющие стороны щедро одаривали друг друга. Обычные горы, а, что касается трудностей пути, то киммериец, с детства привыкший к тяготам и лишениям, не видел в них ничего особенного.

Однажды, проснувшись с первыми лучами солнца, он заметил нечто удивительное. На самой вершине одной из ближних гор стояло настоящее каменное кресло. Как оно могло сюда попасть, кто и с какой целью сделал это? Будучи любознательным и жадным до всего нового и неизведанного, Конан не мог пройти мимо этой диковины. Потратив почти целый день, он наконец достиг вершины горы и оказался возле каменного кресла.

Он несколько раз обошел вокруг него, пытаясь определить, что же такое перед ним — работа дождя и ветра, неведомый каприз богов или нечто, сделанное человеческими руками? Кусок скалы, стоящий на самой вершине, действительно напоминал грубо сработанное кресло или, скорее, трон.

Там были сиденье, спинка, даже подлокотники и ступенька для ног. Фиолетовый трон, который варвар для сравнения поставил рядом с каменным креслом, выглядел рядом с ним как-то легковесно. Наверно, так же смотрелись бы позолоченные стульчики и столики на тонких изогнутых ножках, которые недавно вошли в моду среди огирских богачей, рядом с табуретами и столом из цельного ствола дерева, который стоял в доме его отца.

От каменного кресла веяло каким-то спокойствием, увереной мудрой силой, как будто старый убеленный сединами воин протягивал ему руку для приветствия. Повинуясь внезапно возникшему порыву, варвар сел на темное каменное сиденье, откинувшись на спинку и положив руки на подлокотники.

Отсюда, с вершины горы, открывался вид, от которого захватывало дух. Перед Конаном расстилалась целая горная страна. Ему казалось, что он вдыхает запах моря, находящегося в нескольких месяцах пути отсюда, слышит шум городов, хотя до ближайшего города идти нужно было не менее недели. Сидя здесь, он как будто находился в центре мира и сам был его центром.

Оставшийся путь до Шадизара не был отмечен особыми событиями, и вот около десяти дней спустя ранним утром Конан снова отворил дверь «Выщербленной монеты». Там за это время практически ничего не изменилось, разве что мрачного бродягу заменила компания неряшливо одетых юношей, да в углу наливался дешевым вином какой-то стариk, по виду, вышедший на пенсию стражник.

Конан небрежным жестом бросил на стойку несколько серебряных монет и заказал самую лучшую комнату и ужин. Он никого не предупреждал о своем появлении и должно пройти несколько дней, прежде чем заказчик узнает, что он вместе с фиолетовым троном уже здесь. После такого путешествия неплохо будет передохнуть... Но, не успел Конан растянуться во весь свой громадный рост на кровати, занимающей собой большую часть комнаты, как в дверь осторожно постучали. Что там еще; он больше ничего не заказывал и желает отдохнуть!

— Извините, господин Конан, человек, которого вы ожидаете, просит передать, что ждет вас в той же самой комнате.

С недовольным ворчанием поднявшись и кое-как натянув на себя одежду, он направился вслед за служанкой, не забыв прихватить с собой добычу из подземного города. Что такое Шадизар, он знал намного лучше многих и немало ценных вещей, чьи размеры не уступали фиолетовому трону, исчезло с его помощью из сокровищниц, которые охранялись гораздо лучше, чем номер в подозрительной таверне. А то, что однажды удалось одному человеку, вполне может получиться и у другого...

Заказчик ждал его, сидя за тем же самым столом, изо всех сил стараясь сохранить видимость невозмутимого спокойствия. Но от Конана не укрылось, что тот едва сдерживается, чтобы не вскочить ему навстречу. Ну, что же, аристократ, неизвестно когда в последний раз выезжавший за городские стены без сопровождения целого отряда и привыкший, что все нужное доставляется тебе и подается с низким поклоном, посмотрим, насколько хватит твоей выдержки! И Конан нарочно медленно, даже немного неуклюже, вышел на середину комнаты, поставил на пол фиолетовый трон и начал, не торопясь, освобождать его от тряпок и шкур, в которые тот был завернут. На лице аристократа не дрогнул ни один мускул и только учащенное дыхание и лихорадочно блестящие глаза говорили о том, в каком страшном волнении он пребывает.

Наконец находка из подземного города предстала во всей красе. Даже Конан, который видел эту вещь много раз, невольно залюбовался искусством работой. А ведь, если бы не он, произведение древних мастеров так и осталось бы в пещере, где, в конце концов, бесславно прекратило бы свое существование. А красивая вещь это все равно, что красивая женщина... Но усилием воли варвар заставил себя обратить внимание на более насущные заботы:

— Вот ваш фиолетовый трон. Где мое золото?

— Вы получите его, как только я смогу удостовериться, что передо мной та самая вещь, о которой мы договаривались. Кстати, где ваш проводник?

— Погиб... во время обвала — недовольно буркнул Конан. Отчего-то ему не захотелось, чтобы его хозяин узнал, что маленький иранистанец на самом деле служил двум господам и готовился его предать. Он уже получил по заслугам, незачем лишний раз позорить его. Но на

заказчика эта новость, казалось, не произвела никакого впечатления.

— Что ж, в горах такое иногда случается. Прошу вас! — Он махнул рукой куда-то в глубину комнаты и из темноты появилась высокая худая фигура в темном балахоне с капюшоном, закрывающим лицо. Конан почувствовал, что рука его помимо воли устремляется к поясу, где обычно висит оружие. Чародей! Неужели его присутствие настолько необходимо и вообще, договор был лишь о том, чтобы доставить требуемую вещь и получить за нее золото. Ни о какой проверке подлинности речь не шла, к тому же, как понял киммериец из предыдущих разговоров, фиолетовый трон был единственным в своем роде и вряд ли у кого-нибудь получилось бы сработать достаточно убедительную подделку.

Тем временем чародей вышел на середину комнаты, остановился напротив резного кресла, расставил руки, как будто хотел обнять кого-то очень большого, стоящего перед ним и произнес несколько слов на непонятном певучем языке. Голос его с одинаковым успехом мог быть высоким мужским или низким женским, маленькие изящные руки, виднеющиеся из рукавов балахона, так же могли принадлежать и чародею и чародейке. А, впрочем, какая разница: там, где прибегают к помощи колдовства, не остается места для честности.

Колдун очертил в воздухе контуры фиолетового трона, не касаясь его, снова что-то произнес и наконец сказал, обращаясь в основном к заказчику:

— Это не то кресло.

— Как, не то?!! — возмутился Конан. — Никто и никогда не посмеет меня обвинить в нарушении сделки! Этот тот самый трон из дворца в подземном городе или вы хотите сказать, что я собираюсь подсунуть вам поделку?

— Это не тот трон — снова повторил человек в балахоне. — В нем нет никакой силы.

— Какая еще, к Эрлику, сила?!! — зарычал киммериец, чувствуя, что кровь его закипает. — Я заключил договор с этим господином и не желаю говорить ни с кем кроме него. Я доставил нужный вам предмет и желаю получить причитающееся мне золото.

— Какое еще золото? — вежливо спросил аристократ, поднимая одну бровь. Вот договор, составленный по всей форме. Здесь написано: «означенный предмет, именуемый фиолетовым троном». Вы хоть читать-то умеете? Мне очень жаль, что вы ошиблись и принесли мне не то, что требуется. Попробуйте предложить свою добычу кому-нибудь из торговцев заморскими диковинками, вот все, что я могу вам посоветовать. Надеюсь, вы проявите благородство, и мне не придется вызывать стражу...

Сказать, что Конан почувствовал бешеный гнев, значило бы не сказать ничего. Он предпринял путешествие на самый край света по местности, так и кишащей магическими штучками, полз под землей, рисковал жизнью и все для того, чтобы этот аристократишко обманул его подобно тому, как какой-нибудь судейский крючкотвор обводит вокруг пальца наивного провинциала. С грозным рычанием варвар одним прыжком преодолел расстояние, отделяющее его от бесчестного заказчика. Стол, за которым тот важно восседал, отлетел в сторону, с грохотом ударился о стену и рассыпался множеством обломков. Но аристократ неожиданно ловко соскочил со стула и швырнул его в своего противника, пытаясь достать из ножен кинжал, висевший у него на поясе. С обычным человеком это прошло бы удачно, но не с Конаном, который большую часть жизни провел в сражениях, а из побежденных им грозных воителей можно было бы составить целую армию.

Бессспорно, этот человек знал, с какого конца браться за меч, и для своего возраста был достаточно силен, но дело все в том, что о настоящей войне он судил исключительно по книгам и древним сказаниям, и не имел ни малейшего понятия о той науке, которую постигает каждый гладиатор и каждый обитатель городского дна. Поэтому прошло не больше времени, чем понадобилось бы старому солдату, чтобы выпить стакан крепкого вина, как неудавшийся

обманщик оказался лежащим на полу, самым позорным образом скрученный собственным поясом.

Но, не успел Конан сказать все, что он думает о таком недостойном поведении, как чародей, который во время всего поединка спокойно простоял в стороне, вдруг вознамерился показать, что и он на что-то способен.

Он щелкнул пальцами, и в воздухе что-то затрещало, как это бывает жарким летом перед грозой. По одежду его забегало множество ярко-синих искорок, которые постепенно собирались у него на ладони, превращаясь в ослепительно сверкающий шар.

Но Конан не стал ожидать, чем закончится демонстрация магического искусства. Не теряя ни единого мгновения, он подобрал с пола кинжал, выпавший из рук любителя редкостей и метнул его прямо в центр шара.

Раздался ужасающий звук, как будто прямо в комнате взорвался кувшин с китайской огненной смесью. Худой мужчина неопределенного возраста, одежду которого составляли жалкие еще дымящиеся лохмотья, жалобно причитая, выскочил в коридор. Хозяин таверны, который, не покидая своего места за стойкой, был в курсе происходящего благодаря хитро расположенной слуховой трубе, продолжал сохранять полное спокойствие. Здесь привыкли и не к такому, а Конан — постоянный и почетный клиент заведения, никогда не отказывался оплатить непредвиденные расходы, не говоря уже о том, чтобы накинуть пару монет за беспокойство. Какая ему печаль до чужих скандалов? Своих забот достаточно!

Но Конан не считал дело законченным. Он подобрал в пола валяющийся там лист толстого пергамента, на котором несколько месяцев назад был записан договор, касающийся поисков и доставки фиолетового трона. Затем, злобно улыбнувшись, скатал его в угловатый комок.

— Значит, договор? Тогда попробуй, каков он на вкус! Может быть, это научит тебя деловой честности!

И, невзирая на бурный протест, он затолкал пергамент прямо в рот обманщика. После этого, подняв своего недавнего противника одной рукой, он энергично встряхнул его. Услышав металлический звон, варвар извлек из поясной сумки аристократа довольно толстый кошелек и, тщательно отсчитав нужную сумму, спрятал остальное назад. Он не грабитель, он берет лишь то, что причитается ему по праву! Горе-заказчик остался сидеть, привязанный к фиолетовому трону, извиваясь как зеленый заморийский уж и тщетно пытаясь выплюнуть изо рта документ, который попытался так превратно истолковать.

Вечер этого дня Конан встретил в обществе одного из немногих, кого он мог назвать своим другом. Молодой аристократ, который чурался общества себе подобных, а о занятиях, которым обычно посвящают свое время избалованные богачи, отзывался исключительно в пренебрежительном тоне. Владея громадным состоянием, он тратил его не на удовольствия и дорогие игрушки, а на то, что считал более достойным внимания. Его коллекция древних манускриптов была в несколько раз больше, чем императорская библиотека в Немедии, а знания о культе Темных богов не уступали знаниям главы магического ордена. Он был своим в подозрительных кварталах, в тавернах, куда никто из подобных ему не смог бы даже заглянуть, не рискуя при этом остаться как минимум без кошелька. Его можно было встретить в домике какого-нибудь из скупщиков краденого, внимательно разглядывающего непонятно как оказавшиеся здесь предметы домашней утвари. Еще он писал стихи, в которых повествовал о своей удивительной жизни и Конан был один из немногих, кому выпадала честь их слышать. Ну, а помимо прочего, он всегда хорошо платил за все, что могло представлять для него интерес.

Сидя в большой полутемной комнате, загроможденной самыми неожиданным предметами, они пили красное охирское вино, вновь и вновь возвращаясь к каждому моменту из путешествия Конана в подземный город. Коллекция свитков привела эксцентричного аристократа в детский

восторг и, несмотря на множество свежих пятен, оценена в стоимость нескольких боевых коней с селами и упряжью. Беседа немного утомила их обоих и Конан уже собрался удалиться в отведенные ему гостевые покои, как вдруг неожиданно вспомнил:

— Ты не знаешь, что за сила должна была находиться в этом кресле?

— Существует такая легенда — ответил ему собеседник, задумчиво перекатывая в ладони шары из черного камня. — Трон, однажды сев на который, ты становишься просто обречен на власть. Ты можешь оказаться незаконным или даже законным наследником престола, можешь по-иному оказаться во главе государства. Упав с высоты трона, ты неминуемо оказываешься снова вознесен на него, независимо от своего желания. Даже если тебе вздумается отречься от престола — это изменит твою судьбу лишь на короткое время. Но для этого нужно быть достойным такой участи. Эти люди оказались во власти распространенных заблуждений. Трон, за которым охотятся все, жаждущие престола, находится вовсе не в подземном городе. В неком заслуживающем безусловного доверия источнике говорится, что он стоит на вершине недоступной горы в центре мира. Лишь самому достойному дано увидеть его и лишь тому, кто в силах вынести тяжесть власти, позволено сесть на него. Также там говорится, что в эти мгновения человек способен постигнуть мудрость мироздания.

— Каменный трон, стоящий на вершине горы? — И Конан приняллся рассказывать о том дне, который, казалось бы, совершенно изгладился из его памяти. И чем больше он рассказывал, тем более удивленным и восхищенным становилось лицо его собеседника.

— Ты понимаешь, что с тобой произошло? — спросил он наконец варвара. — Теперь ты король, Конан. Что бы с тобой ни случилось, ты будешь им, и любая из выбранных тобой дорог неминуемо приведет тебя к короне. Что же, мои поздравления, ваше величество!

— Королевский престол... — недовольно протянул киммериец. — В мире есть много гораздо более интересных и приятных вещей. Например, хорошая драка, путешествия, красивые женщины или добрая выпивка... Кстати, осталось ли у нас еще красное огирское?